

ВИТАУТАС ПЕТКЯВИЧУС

Приключения Жёлудя

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ВИТАУТАС ПЕТКЯВИЧУС

Приключения Жёлудя

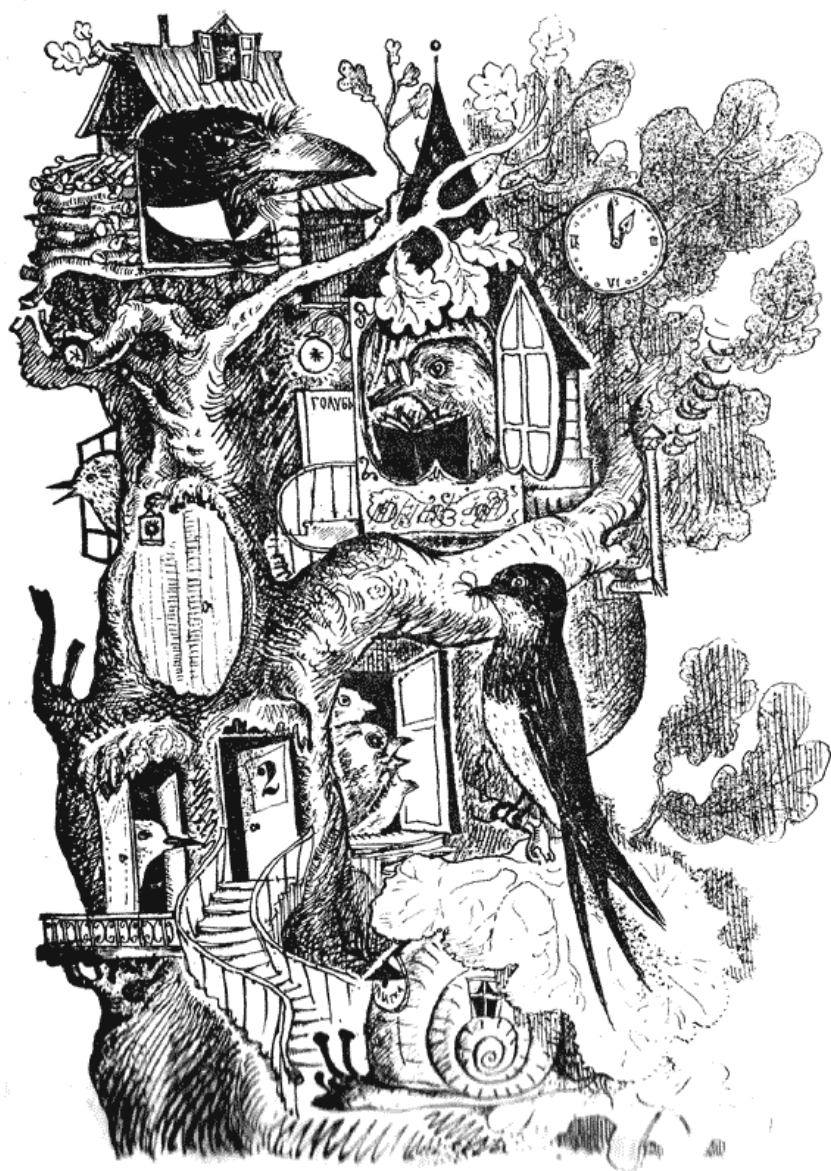
СКАЗОЧНАЯ ПОВЕСТЬ

ПЕРЕВОД
С ЛИТОВСКОГО
Ф. ДЕКТОРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва. 1967

НА КРАЮ ЛЕСА

На опушке леса жил-был старый-престарый Дуб, такой старый, что никто в точности не знал, сколько ему лет. Не помнил, когда родился, и сам Дуб. Шелестя ветвями, он, бывало, рассказывал любопытным, что цветы в то лето вымахали ростом выше его самого, а иногда ещё добавлял, что той осенью в поле сгнила вся репка.

Он был самый обыкновенный старичок, этот Дуб, хотя все в один голос звали его властелином леса. Дуб давно уже не цвёл, не покрывался желудями. Он даже запомнил, сколько было у него детей.

— С-с-сотни... С-с-сотни-и-и и с-с-сотни-и-и... — шептал он, а ветер покачивал его узловатые, замшелые от старости ветви.

На самой макушке Дуба гнезвился Ворон. Чуть ниже поселился Голубь. В нескольких дуплах проживали по соседству три брата: Скворец, Певец и Говорец. Под мышкой у самой толстой ветви прилепился глиняный домик Ласточки. В тесной дыре рядом с нею хозяйничал Воробей. А под самым большим листом отсиживалась Улитка.

Так они все и жили: весной распевали песни, играли, порхали, летом воспитывали детей, а осенью одни отправлялись в тёплые края, а другие зимовали в дуплах. Свыкся Дуб со всеми своими постояльцами, сдружился с ними и считал, что без них и дня не проживёт.

Но однажды весной на самой молоденькой веточке, которой шёл всего лишь триста тридцатый годик, появился цветок, а из него получился Жёлудь. Дуб был просто сам не свой от радости. Ни днём, ни ночью не спускал глаз с сыночка, резными листьями укрывал его от дождя и обмахивал в жару, спасая от мух и мошкар.

И Жёлудь рос, впитывал в себя самые сладкие соки, качался целыми днями на гибкой веточке, становясь всё крупнее да сильнее, пока не вырос в краснощёкого крепыша.

Но чем больше баловал Дуб сына, тем скучнее становилось тому. Надоели ему тихие воспоминания отца о славной седой старине, песни и сказки птиц, тяжёлые вздохи старого Дуба. Болтаясь на ветке, Жёлудь над всеми смеялся, всех дразнил и озорничал как только мог.

Однажды вечером Лягушка поймала в пруду под Дубом Комара и, приготовив ужин для семьи, стала звать дочку:

— Куотре, Куотре, Куотре!

— О-ах, о-ах, о-ах!.. — лениво проквакала та.

— Дай-ка ножик, дай-ка ножик, дай-ка ножик!

— Как-кой, как-кой, как-кой?

— Кр-р-ривой, кр-р-ривой, кр-р-ривой!

Сидя на листе кувшинки, Куотре ворочала большими вытаращенными глазами и не двигалась с места. Немного погодя мать снова завела:

— Куотре, Куотре, Куотре!

— О-ах, о-ах, о-ах!

Захотелось Жёлудю напугать их. Прицелившись, он сорвался с ветки и плюхнулся в воду прямо под носом Куотре, так что только брызги полетели.

Вся Лягушкина семья с перепугу нырнула в воду и забилась в ил. А Жёлудь, отвоевавший лист кувшинки, покатывался со смеху: ему ужасно понравилось, что лягушки так боятся его.

Старый Дуб, наверное, пожурил бы озорника, но тут, как нарочно, ветер утих, и ни один листок не шелохнулся. Только придиричивый Скворец не мог успокоиться — растолкал братьев и, взмахивая крыльями, стал доказывать им:

— Фьють! Фьють! Фьють! Не даёт уснуть, не даёт уснуть!

Его поддержал Говорец:

— Просто жуть, просто жуть, просто жуть!

Однако Певец стал их урезонивать:

— Как-нибудь, как-нибудь!..

Задремавший было Воробей высунул голову из своей дыры и обругал братьев:

Чир-чир-чир
И чиру-чиру,
Не даёте
Спать вы миру.
Чир-чир-чир
И ча-ча-ча,
Нет покоя
По ночам!

Скворец, Певец и Говорец накинулись на Воробья. Воробей кликнул на помощь жену. И загомонило всё дерево!

А Жёлудь, который всё это устроил, поплыл к берегу и, спрятавшись за бугорком, стал ждать, когда у Куотре в лёгких кончится воздух.

На этот раз он вскочил прямо на лист кувшинки и толкнул Куотре, отчего бедняга, испугавшись, потеряла дар речи. И как ни звала её несчастная мама Лягушка, Куотре до утра не могла откликнуться.

На другое утро, ещё не успев размяться и промыть росой заспанные глаза, Жёлудь уже хвастался перед всеми молоденькими деревцами своими необычайными подвигами.

Ему нравилось обижать тех, кто был слабее и трусливее его. В самый полдень он забрался в глиняный домик Ласточки и стал дразнить голодных малышей, подражая голосу их матери:

Пеку-варю,
Пеку-варю,
Су-унь клюв, говорю,
Сунь клюв, говорю!

Малыши разевали клювики, пищали, думая, что их сейчас покормят, однако Жёлудь только дразнил птенцов, швыряя им кусочки коры.

Прилетела мать, схватила Жёлудя за шиворот и выбросила вон.

Озорник перевернулся в воздухе и шмякнулся в траву. К счастью, он угодил на лист Подорожника, а иначе неизвестно, чем бы закончился этот полёт.

Подорожник спружинил, словно растянутая пожарниками простыня, а Жёлудь сполз вниз и спрятался, потому что разъярённая Ласточка летала над землёй и жаловалась Дубу:

Как вор,
Как тать,
Гнать его,
Гнать!

Дуб сказал, что выпорет сына, но тут же забыл о своём обещании: как шелестел, так и продолжал шелестеть листвой.

Пробираясь в траве, Жёлудь заметил несколько круглых, как горошины, камешков. Он снял с головы берет и собрал их все до одного. Собрал и стал разбрасывать по сторонам. Не кашу же из камней варить!

Тем временем Голубь вывел семью на прогулку; кивая головой, бегал туда-сюда по толстой ветке и бубнил:

Будут люди
С ума сходить,
Будут люди
С ума сходить:
По всей земле
Горох сажать,
По всей земле
Горох сажать...

Жёлудь прицелился и запустил камешком в спину Голубю. Голубь решил, что это горошина, и заворковал:

Хорош посеv,
Хорош посеv...

Жёлудь запустил ещё один камень. Голубь поймал его на лету.

Клюю, присев,
Клюю, присев...

— похвалился он и, только проглотив, понял, что это такое.

Жёлудь хотел было кинуть ещё раз, но поздно: Голубь схватил его и задал добрую трёпку. Он, возможно, и совсем бы раздолбал хулигана клювом, если бы у Жёлудя была не такая толстая шкура. Затем Голубь вернулся к детям и жене и, бегая по толстой ветке, стал объяснять им:

Едва не съел,
Едва не съел
Клевал, присев,
Клевал, присев...
Хвать!..

Старый Дуб только кивал ветвями, поддакивая. Прodelкам Жёлудя не было конца. Наткнувшись на свисающую с ветки паутину, он уговорил младшего сына Улитки покачаться. Привязал его за рожки и так раскачал, что малыш стал кричать не своим голосом. На этот крик подлетел к дереву Дрозд и уже хотел было схватить улитчонка. Он бы и схватил его, и проглотил бы, если б не решил сперва похвастаться:

Поймал лягушонка,
Поймал лягушонка!..
Жирного,
Жирного,
Как поросёнка!
Одно сало,
Одно сало.
Ешь,
Ешь
и всё мало!..

Но тут вовремя появился Ворон. Он прогнал Дрозда, подхватил паутину и принёс привязанного за рожки улитчонка матери.

Это было последней каплей, переполнившей чашу терпения соседей. Они решили взяться за Жёлудя сообща, всем коллективом. Выбрали родительский комитет во главе с Говорцом, который выступил на собрании с самой прекрасной речью. К тому же братья громогласно поддержали его кандидатуру.

Целый день прозаседали родители и всё никак не могли прийти к единому мнению. Одни требовали гнать Жёлудя с дерева в три шеи; другие просили пожалеть его старого отца; третьи предлагали ещё что-то, но никому не было жаль озорника.

— Фить его, фить его! — не могла забыть обиды Ласточка.

— Бить-лупить, бить-лупить! — поддержал её Голубь.

— Трах, трах, трах! — взмахивал крыльями Ворон.

Внезапно подул ветер, и Дуб прошелестел:

— Нехорошо детей обижать. Нехорошо...

Услышав это, Ласточка прокричала:

— Чить его, чить его!

— Прошу учить, прошу учить, — поддержал её Голубь.

Родители единогласно приняли это предложение. Согласился с этим и Дуб.

УЧЁБА ЖЁЛУДЯ

На другой день Ворон отыскал брошенный детьми старый билет в кино, сложил его пополам, сделал тетрадку и принёс Жёлудю. Воробей подарил ему выдрванное в стычках перышко из крыла, а Скворец сорвал несколько ягод калины и нацедил отличных красных чернил. Маленькая Улитка одолжила для этого свою раковину. Ласточка вылепила из глины крепкий стол и стул, а Голубь сплёл из веточек навес.

Когда всё было готово, Жёлудь засучив рукава взялся за учёбу.

На первом уроке Ворон учил его читать и писать. Вначале успехи Жёлудя были не плохи. Хотя он и перепачкался по самые уши красными чернилами, однако с грехом пополам нацарапал несколько кривых чёрточек. Учитель сказал ему, что всё это цифра «1».

Жёлудь не спорил. Сидя за партой, он изрядно проголодался и поэтому стал рисовать баранки. Учитель тут же объяснил, что с этого дня баранки будут уже не баранки, а буква «о».

Услышав это, Жёлудь ужасно расстроился и захныкал:

— А что же я теперь буду есть?

Ворон успокоил его, дал домашнее задание и сделал перерыв.

На уроке арифметики Голубь доказал Жёлудю, что чёрточка и баранка вместе означают не букву «J», не букву «о», а число «10». Если же приписать к нему ещё один кружочек, получится целая сотня.

На третьем уроке Ласточка учила Жёлудя рисовать и лепить.

Пока ученик в поте лица месил глину, она успела объяснить, что если два кружочка соединить изогнутой чёрточкой, то получится не 10 и не 100, а очки старого Ворона.

Однако братья Скворец, Певец и Говорец, которые обучали Жёлудя стихосложению, пению и музыке, не согласились ни с одним из учителей и упорно твердили, что если к этим кружочкам прилепить слева или справа по чёрточке, то получатся самые простые ноты.

Делая домашнее задание, Жёлудь перепутал, когда и как приписывать чёрточки к кружочкам. Он долго ломал свою твёрдую голову, изгрыз половину Воробьиного перышка, пока не нашёл выход: тщательно нарисовал одну большую баранку, а к ней приделал столько чёрточек, сколько задал написать каждый учитель. Кончив работу, Жёлудь даже подскочил от радости: какое замечательное вышло солнце!

На следующий день Ворон заглянул в тетрадку и гневно каркнул:

— Бр-р-рак!

Голубь даже смотреть не стал; он только бегал вперёд-назад по ветке и грозился:

— Будет кол, будет кол, будет кол!..

Три брата музыканта так и присели, свистнув:

— Фью! Фью! Фить!— и, размахивая крыльями, стали обсуждать, как быть дальше с таким бездарным учеником.

Только Ласточка по достоинству оценила старания Жёлудя и поставила ему пятёрку за прекрасно нарисованное солнце.

Три дня Жёлудь всем и каждому хвастался этой отметкой, а отец любовно качал его на ветке и шелестел:

— С-с-лавно, оч-ч-чень с-с-лавно...

Больше всего нравились Жёлудю уроки физкультуры, которые вёл Воробей. Тут не требовалось ни читать, ни писать. Учитель каждый раз приводил кого-нибудь из своих сыновей, ставил их с Жёлудем друг против друга и велел драться.

— Так, так, так, — скакал он вокруг, показывая, куда бить. — Бей сильнее, дыши глубже!.. Бей, бей! Вот так, так, так!

Когда оба ученика выбивались из сил, Воробей поглядывал на солнце, как на часы, и заканчивал урок:

Всё, ребята,
Чиру-чиру,
Айда мыться
Чин по чину!

Потом все трое закаляли мускулатуру в пруду и нежились на горячем береговом песочке.

Однако учиться с каждым днём становилось все труднее и труднее. Жёлудь умудрился нахватать двоек даже по лепке и рисованию. И если б не физкультура, он был бы круглым двоечником. Один только Воробей сочувствовал бедному ученику — иногда выводил за драку тройку. Время шло, и учителя стали поговаривать об экзаменах. Жёлудь до того испугался экзаменов, что решил дать тягу. Он, наверное, так и сбежал бы, если б не одно происшествие.

Однажды в конце необычайно жаркого дня на Дуб и его обитателей налетела злая Буря. Владыка леса только усмехнулся и, напружинив ветви, без особого труда отразил все наскоки Бури.

Но Буря не успокаивалась. Она решила уничтожить это певчее гнездо и призвала на помощь всем ветрам ещё и все вихри мира, собрала все самые чёрные, набрякшие градом тучи и снова кинулась на Дуб, срывая с него листья, ломая ветки. Но тысячелетний силач стоял как вкопанный, потому что твердо знал: если он погибнет, погибнут и все его жильцы.

Ворон уже еле-еле держался на макушке дерева, прикрыв птенцов крыльями, Воробей от страха не мог уже выговорить ни слова, Голубь уже считал последние минуты своей жизни. Один только Жёлудь радовался, видя, как ветер колошматит его навес вместе со столом и стулом. Он надеялся, что школа развалится и учиться больше не придётся. Сидя в глубокой щели, он дразнил вихри и швырял им испещрённые двойками листы тетради, а вихри, почернев от злобы, гоняли их по бурно клокочущему небу.

— А теперь хватайте Ворона! — кричал им Жёлудь.

Только он крикнул это, как тут же в дерево ударила ослепительная молния. Дуб обомлел, а ветры, поднатужась, стали медленно валить его набок. Затрещали корни великана, захрустел ствол, и смертельно испуганный Жёлудь высунул нос из щели, решив посмотреть, что там творится. Вихрь тут же подхватил его, завертел и швырнул в густую, чёрную тучу.

— Папочка, спаси! — только и успел крикнуть озорник.

Услышав крик сына, Дуб собрал последние силы и стал искать глазами Жёлудя. Тем временем иссяк напор вихрей.

Когда Буря утихла, Ворон поправил покосившееся гнездо и по просьбе лесного владыки отправился на поиски пропавшего озорника. Только на третий день разыскал он Жёлудя: тот валялся на мягкой мшистой постели, засыпанный целой горой веток и листьев.

Всю дорогу Жёлудь плакал и дрожал: теперь-то, думал он, ему как следует влетит за то, что изорвал тетрадку и помог Буре сломать навес. Но Дуб не стал его ругать, он был рад, что сынок нашёлся, назвал его храбрецом и попросил Певца сложить в его честь весёлую песенку.

— А не рановато ли? — усомнился поэт.

— Ничего, пусть все знают, из какого теста мы вылеплены! — горделиво заявил отец в присутствии сына.

Три дня и три ночи думал Певец, призвав на помощь жену и братьев, и вот какую песню он сочинил:

Я сегодня
Мал и мелок,
Просто
Жёлудь-недомерок.
Завтра стану
Дубом взрослым,
Всех лесов
Владыкой грозным!

Скворец сочинил музыку к этой песне, Ворон сделал несколько тетрадок, чтобы записать слова, Ласточка вылепила новый стол и удобное кресло, а Голубь, хорошенько всё рассчитав, построил навес, который был в три раза больше и в три раза прочнее, чем прежний. И тогда все лесные жители впервые исполнили песню, посвящённую Жёлудю. Только Улитка, после того как все уже разошлись, продолжала спешить на торжество. На спине у неё была старинная, доставшаяся ей ещё от бабушки чернильница.

Так рухнула последняя надежда Жёлудя удрать из дому за долго до экзаменов. Однако после всех этих приключений он ещё больше стал задирать нос. Ему казалось, что вокруг него одни лишь трусы и неучи. Он теперь не стеснялся покрикивать даже на отца:

— Цыц, старый пень! Сотни лет стоишь на одном месте и ничего не видишь.

Он грубил не только отцу, но и своим учителям.

— Пускай теперь ваш отец не пугает меня колом, колом! — пыжился он перед голубятами.

— Мне и Ворон нипочём, — хвастался он перед сыновьями Воробья.

— Подумаешь, какие-то экзамены! Да я их сдам с закрытыми глазами, — похвалялся перед птенцами Ласточки.

Однако в день экзаменов вся храбрость Жёлудя вдруг улетучилась. Он снова решил спрятаться, да не успел. Только высунул голову из своей щели, как вокруг тут же столпились любопытные.

— Жёлудь ещё покажет, на что он способен, — говорил один.

— Бьюсь об заклад, что сегодня кто-то из учителей поставит ему шестёрку! — кричал другой.

Не зная, как избавиться от них, Жёлудь нырнул в пруд и пытался спрятаться среди водорослей.

Чиру-чир,
Скорее в школу
Первый класс
Кончает Жёлудь!

— кричал Воробей.

Жёлудь нехотя выплыл на берег и вернулся к Дубу.

— Конец, — сказал он, сев к экзаменационному столу, и почувствовал, что сердечко от страха провалилось куда-то в левую пятку. Кое-как взяв себя в руки, он обмакнул перо в чернила и приготовился писать диктант.

— Кра, кра... Улетели вороны со двора, — диктовал Ворон.

Жёлудь внимательно прислушивался к тому, что говорит Ворон, писал, трудился, но за весь урок вывел всего-навсего первое слово. Ворон глянул поверх очков и спросил:

— Почему только «кра»?

— Потому... потому что вороны уже улетели, — ответил Жёлудь.

— Верно! — кричали собравшиеся вокруг неучи. — Правильно, ставь ему шестёрку!

Но Ворон был непоколебим. Только из жалости к старому Дубу он поставил Жёлудю большую тройку с ещё большим минусом.

На экзамен по арифметике Голубь принёс два камешка и положил их порознь. Потом сложил вместе и спросил:

— Сколько будет?

Жёлудь загибал пальцы, скрёб в затылке, грыз перо, пока наконец не додумался:

— Тут один и тут один!

Голубь нахохлился и стал недовольно расхаживать взад и вперёд по ветке.

— Будет «два», будет «два»! — пригрозил он ученику.

— Будет два, — повторил испуганный Жёлудь.

Голубь удовлетворённо кивнул, прибавил к двум камешкам третий, а затем подумал немного и забрал его.

— Будет два, — по-прежнему твердил Жёлудь.

Голубь даже присел от неожиданности, услышав такой быстрый и точный ответ. Потом он от четырёх отнял два, от пяти — три, от шести — четыре и даже от десяти — восемь. А Жёлудь на всё безошибочно отвечал:

— Будет два.

Собравшиеся вокруг дружки Жёлудя и просто любопытные прыгали от восторга.

— Пиши шестёрку! — кричали они Голубю.

— Присев, пишу, присев, пишу... На! — пробурчал Голубь и всё-таки поставил Жёлудю четвёрку.

Только экзаменатор Певец пошёл навстречу по желанию любопытных и разрешил Жёлудю самому выбрать песенку и спеть её присутствующим.

— Больше всего мне нравится та, что вы обо мне придумали, — ответил Жёлудь.

Такое прилежание ученика до того растрогало Певца, что он не выдержал и первый затянул им же сочинённую песенку. И все подхватили её. Поскольку экзамена по рисованию и лепке не было, Ворон под звуки песни вручил Жёлудю справку об окончании первого класса.

С того дня Жёлудь так зазнался, что уже не мог сговориться даже сам с собой.

КРАСНОНОГАЯ ПТИЦА

После экзаменов начались бесконечные каникулы Жёлудя и бесконечные напасти жителей Дуба.

В благодарность Ласточке за уроки он однажды залепил глиной дверь её домика. Прилетевшая Ласточка стучалась снаружи, а птенцы изнутри, но ничего не могли поделать: Солнце так высушило глину, что пришлось звать на помощь мастера Дятла. Он пробил новое отверстие и вытащил через него голодных, еле дышавших птенцов.

Жёлудь сам испугался своей проделки и поклялся соседям больше так не делать. Но не прошло и нескольких дней, не успели жители дерева перестать судачить о его безобразном поведении, как Жёлудь взял табличку с надписью «Скворец» и повесил её над жилищем Воробья, а табличку с надписью «Воробей» прибил над дуплом Скворца. Сам же спрятался за ветку и стал ждать, что будет дальше.

Прилетел Скворец, летает вокруг и дивится:

— Если бы я был неграмотен, то подумал, что попал в гости к Воробью!

Прилетел домой Воробей и ничего не понимает:

— Видать, жена со Скворцом квартирой поменялась.

Воробей сунул голову в дупло, а Скворчиха как клонет его в лоб! Воробьишка присел, встряхнулся и, когда перестали лететь искры из глаз, увидел, что в узкой двери его домика застрял Скворец.

Только теперь соседи поняли, что случилось, и тут же стали жаловаться Дубу.

Не успели они сообщить, в чём дело, как в пруду раздался страшный шум. Жёлудь плыл, взобравшись на спину Куотре, и размахивал прутот. Соседи бросились спасать бедняжку. Жёлудь плюхнулся в воду и исчез. Лишь под вечер он явился, держась за хвост одного из сыновей Воробья, тихий, с расквашенным носом.

Пока заживала рана, Жёлудя никто в глаза не видел. Однако вскоре он опять принялся за своё: забрался в гнездо к Ворону и набросал там колючек шиповника.

Вернулся на закате Ворон, летавший с воронятами на прогулку, и прилёг отдохнуть. Только вдруг что-то как кольнёт его в живот. «Уж не гвоздь ли я проглотил?»— подумал Ворон. Однако ко сразу же почувствовал новый укол. Старик пожаловался жене:

— Кра, кра, я колючку съел с утра.

Он попробовал перевернуться на бок, но его кольнуло в крыло. Потом в ногу и опять в живот. Ворон так раскаркался, что слетелись все соседи. Осмотрели чернокрылого да так и ойкнули от удивления: всё тело Ворона было утыкано шипами!

Этот случай положил конец терпению соседей. Однажды вечером они собрались все вместе, соорудили небольшую будку

из глины, приделали решётку и решили, что будут держать в ней Жёлудя за каждый проступок.

Но озорник несколько не огорчился. Ему даже понравилась такая игра. Он не стал сопротивляться и сам залез в эту тюрьму. Соседи не могли поверить в такое счастье и толпились возле окошка, чтобы посмотреть, действительно ли этот неслух наконец утихомирился. А Жёлудь лежал, свернувшись калачиком, и краем глаза наблюдал за решёткой.

Первым заметил подвох Голубь. Он удивлённо воскликнул:
— Был бел, стал чёрен!

Все, кто хотел посмотреть на Жёлудя через решётку, испачкали себе живот, голову или клюв, так как Жёлудь заранее вымазал решётку тюрьмы сажей.

Жители Дуба вконец расстроились и опустили руки. Только старый Ворон, посоветовавшись с Дубом, полетел к своему мудрому приятелю Филину спросить, что делать с озорником, которому не помогает даже тюрьма.

На другой день ехали мимо корреспонденты и остановились отдохнуть в тени Дуба. Жёлудь глянул на них, потом на себя и загордился:

— А чем я хуже? И я учёный, и на мне берет, да ещё с помпончиком, и я буду путешествовать и записывать.

— Да у тебя под беретом-то ничего нет, — добродушно урезонивал его Дуб.

Жёлудь страшно обиделся. Он показал отцу язык и стал кричать:

— Ты старый болтун, сам ничего не знаешь!

Как задумал Жёлудь, так и поступил: свернул трубочкой тетрадь, заложил за ухо перо Воробья, повесил на шею чернильницу Улитки с калиновыми чернилами и пустился в путь. Он шёл, подпрыгивая и распевая во всё горло любимую песню:

Я сегодня
Мал и мелок,
Просто Жёлудь-недомерок.
Завтра стану
Дубом взрослым,
Всех лесов
Владыкой грозным!

Дуб махал сыну ветвями, провожал его заботливым отцовским взглядом и тяжело вздыхал:

— Нехорошо, нехорошо уходить из дому.

А Жёлудь прыгал, скакал, пугал придорожных кузнечиков, гонял жуков и всё удалялся и удалялся от дома. Сколько времени он так шёл — трудно сказать. Вначале он считал деревья, что росли вдоль дороги, но очень скоро не хватило пальцев на руках и ногах, и Жёлудь сбился со счёта. Тогда он взобрался на самый высокий стебелёк, чтобы осмотреться. Вокруг не было ни одной живой души, только вдали разгуливала на лугу какая-то странная красноногая птица с белым хвостом.

— Здорово, Гусь! — крикнул, подбежав, озорник. — Будем знакомы: я знаменитый корреспондент самой толстой в мире газеты.

Птица посмотрела на него, склонив голову набок, и застучала клювом:

— Кто-кто-кто ты таков?

— Ко-ко-корреспондент, — передразнил Жёлудь.

— А кто-кто-кто я таков?

— Гусь.

— То-то-тогда здорово, Червяк!

— Ты не только глухой, но и слепой вдобавок, — разозлился на птицу Жёлудь.

— Если я Гусь, то почему бы тебе не быть Червяком? — спокойно ответила птица.

— Не смей оскорблять меня: я сын Дуба!

— Знаю. Но в то же время ты и самый большой невежда, если не можешь отличить Аиста от Гуся. Не хорохорься, я тебя как облупленного знаю. О твоём беспутстве уже все лягушки квакают.

Жёлудь даже не покраснел от этих слов. Он по-прежнему не уступал Аисту:

— На нашем дереве не только птицы, но и Улитка стихами говорит, а ты не умеешь.

— Могу и стихами, — ответил Аист. Немного подумав, он произнёс:

Та-та-та
И тук-тук-тук.
Что ж ты вздор болтаешь,
Друг?
Видно, нет в тебе
Стыда!
Тук-тук-тук
И та-та-та.

Видя, что на вранье далеко не уедешь, Жёлудь хотел было улизнуть, но Аист схватил его за шиворот и сказал:

— Раз уж ты такой любитель стихов, так послушай, что болотные соловьи о тебе квакают.

Жёлудь пытался брыкаться, царапаться, но это не помогло. Аист притащил баловника к ближайшему болоту и, не выпуская из клюва, заставил слушать. Очень скоро двоюродные сестры Куотре хором затянули в его честь такую песню:

Жёлудь — лодырь
И хвостун!
Это видно
За версту.
Хвастунишку
Старый Дуб
На свою
Растит беду.

Однако и это не подействовало на Жёлудя. Он схватил камень и запустил в болото.

— Замолчите, пучеглазые! — крикнул он. — Вот нажалуюсь отцу, тогда узнаете.

Но лягушки не унимались. Они, по-видимому, решили воспеть все подвиги озорника: как он дрался, обижал слабых, не слушался старших и вечно задирал нос. Но и Жёлудь не сдавался: как только где-нибудь раздавались голоса лягушек, он бросал туда несколько камней.

Добрых полчаса шло это сражение. Но лягушек было больше — не долетит еще камень в один конец пруда, как на другом конце уже несколько голосов кричат:

— Ква-ква-ква,
засучи-ка рукава!

Жёлудь — и туда камнями!
Но вот уже с другой стороны доносится:

— Квак-квак-квак,
криворукий дурак!

Жёлудь — и туда камнем!
А из третьего угла ещё громче хохочут:

— А у Жёлудя, ква-ква,
дубовая голова!

У драчуна иссякли и силы и терпение, а лягушки так орали, что всё гремело на несколько километров вокруг. А тут ещё откликнулись их родственники из других мест. Такого единодушного отпора озорник никогда не видывал. От злости он заткнул уши и зажмурился.

— Ну что, не нравится? — спросил его красноногий.

— Нравится! — ответил нахал. — Отпусти!

— Если ты так и не исправился, придумаем что-нибудь другое, — покачал головой медлительный Аист.

— Не твоё дело! — крикнул Жёлудь. — Отпусти!

Поднял Аист Жёлудя с земли, взмахнул сильными крыльями и взлетел под облака. Скоро у баловника закружилась голова, потемнело в глазах. Он уже больше ничего не видел, не чувствовал. А птица всё несла и несла его вдаль, через леса и горы, через реки и озёра, в невиданное, неслыханное Кривдино государство.

Очнулся Жёлудь на небольшой лужайке, протёр кулаками глаза и осмотрелся вокруг. Места были мрачные и совершенно незнакомые. Вдруг он вспомнил про Аиста и заплакал от злобы и досады. Поплакал, прислушался, потом заревел ещё громче, однако никто не спешил его утешить. Тогда Жёлудь стал орать во всю глотку: орал, орал, пока не почувствовал под собой огромную солёную лужу. Боясь захлебнуться в собственных слезах, Жёлудь перебрался на сухую кочку и продолжал реветь. Но тут, как назло, кончились слезы. Озорник ещё немного пошмыгал носом и, вытерев рукавом глаза, отправился по протоптанной муравьями тропе.

Он шёл не спеша, оглядываясь по сторонам, однако взгляду не на чем было задержаться: вокруг тянулась мрачная, поросшая чахлой травой равнина. Стемнело. Жёлудь переночевал под открытым небом, а утром почувствовал, что страшно хочет есть. От голода у него отчаянно урчал живот. Но вокруг не было ничего съедобного. Хоть землю грызи.

На второй день живот приумолк и только чуть слышно бормотал: «Хоть р-р-росиночку какую-нибудь!»

На третий день желудок Жёлудя съёжился, прилип к спине и вовсе замолчал. Темнело в глазах. Тропинка двоилась. Тряслись поджилки. Не дождавшись ночи, маленький путешественник устроился под листом Подорожника и тут же крепко заснул. Наутро Жёлудю никуда уже не хотелось идти. Не хотелось даже есть.

— Папочка, папочка, я всегда буду тебя слушаться,— без слез плакал Жёлудь.

Подорожник сжалился над беднягой.

— Вставай, рёва, а не то пропадёшь,— сказал он.— Иди прямо по лесу, пока не дойдёшь до старого сада. Там всё есть, даже птичье молоко. Только берегись: оттуда не многие возвращаются.

— И пускай,— махнул рукой Жёлудь.— Всё равно я не могу идти.

— А что у тебя в этой ракушке?

— Это чернила, их пить нельзя.

— Ну, как знаешь, — ответил Подорожник.

Жёлудь долго вертел в руках чернильницу, прежде чем решился отпить несколько капель. От перебродивших чернил из ягод калины только свело скулы и пить захотелось ещё сильнее.

Он кое-как поднялся с земли и, больше отдыхая, чем двигаясь, поплёлся к старой живой изгороди из шиповника. Ухватился за неё руками и сполз на землю. Из-за изгороди донёсся чей-то пронзительный голос:

— Не хочу, не буду есть! Я лучше умру! Дайте мне «ешь-не-хочу»!

Кто это говорит о еде? Жёлудь прислушался и, напрягая последние силы, ободрав лицо, высунул голову из-за живой изгороди.

Посреди большого старого сада стоял чудесный дворец, сложенный из разноцветных перламутровых ракушек и янтаря. Во дворе с шипением били несколько источников газированной воды, фонтаны всевозможных соков. Из распахнутых окон дворца долетали вкусные запахи, от которых Жёлудь только облизывался и едва успевал глотать слюну.

В это время из окна замка выпрыгнул какой-то шарик и во всю прыть помчался к уставленному яствами столу. За ним гнались взъерошенная сухая Шишка и толстый кривоногий Шишак. Оба на бегу умоляли:

— Шишик, сыночек, только чуточку, одну только ложечку!

— Хочу «ешь-не-хочу»! — вопил шарик, бегая вокруг стола.

Жёлудь присмотрелся и понял, что перед ним маленькая шишечка, которую родители называли Шишиком.

Вдруг Шишка остановилась, а Шишак продолжал гнаться, растопырив руки. Шишик не стал ждать, пока его поймут. Он вскочил на стол и стал отбиваться от преследователей пирожными, вареньем и прочими сладостями.

— Шишик, стой, смотри, что я умею! — Шишак несколько раз перевернулся через голову и стал ходить на руках.

Воинственному крикуну это понравилось. Он засмеялся. А отец, не зная, что делать дальше, ползал на четвереньках и катал носом камешки.

— Ну, а теперь ложечку, — сказала Шишка улыбающемуся сыну.

— Не хочу, не надо! — снова заверещал Шишик, топая ногами. Схватив со стола огромный торт, он швырнул его в мать.

— Зачем нервировать ребёнка! — рассердился на неё Шишак. — Пускай себе не ест.

— Пускай не ест, — согласилась Шишка.

— Вы хитрые, обманете меня, — не сдавался баловень. — Брось чашку на землю! — крикнул он матери.

— Я поставлю её на стол, — сказала Шишка.

— Нет, разбей, разбей!.. — затопал ногами Шишик и кричал до тех пор, пока Шишка не разбила чашку.

Запах вкусной еды немного приободрил Жёлудя. К тому же ему стало ужасно досадно, что вот он тут умирает от голода, а какой-то баловень может безнаказанно швыряться такими вкусными блюдами. Жёлудь не выдержал. Подбежав к Шишику, он схватил его за ноги, стащил со стола и стал изо всех сил трясти:

— Как ты смеешь?! Как

у тебя рука подымается? — И, не находя больше слов, бросил баловника на землю: — Вот тебе за всё!

Шишак, завидев непрошеного гостя, который тузит его единственного сыночка, налетел на Жёлудя. Тот увернулся от удара и, как учил Воробей, стукнул Шишака в солнечное сплетение. Толстяк шмякнулся на тропинку, так что даже земля задрожала.

Пока они дрались, Шишка во всё горло орала:

— Караул! Караул! Убили!..

Жёлудь ничего не видел и не слышал. Подскочив к столу, он уплетал что попало. Подбежал стражник и ухватил его за руки, но Жёлудь встряхнулся, уложил напавшего и, схватив кувшин, хотел было запить застрявший в горле кусок. Тогда подскочили сразу несколько стражников и заломили ему руки за спину. Кувшин с соком упал на землю и разбился. Жёлудь пытался схватить ещё что-нибудь, но стражники крепко связали ему руки.

Очухавшись, Шишак приказал заковать Жёлудя в цепи, а сам, отсчитав пять шагов и убедившись, что Жёлудю не достать его, сел допрашивать.

— Ты кто, разбойник или вор?

— Я доктор наивысших наук и корреспондент наитолстейших газет.

Шишак нахмурился и топнул ногой.

— Послушай, милый, вокруг живут лишь мои рабы, мои солдаты и мои слуги. А все остальные — беглецы, воры и разбойники. Так ты кто такой: разбойник или вор?

Жёлудь много раз играл в разбойников и даже мечтал быть атаманом шайки. Но ведь то была игра!..

Он молчал.

— Всыпать ему! — приказал Шишак. — Пускай нашему сыну наука будет.

Несколько слуг бросили Жёлудя на землю, сели ему на голову и ноги и стали сечь розгами.

— Смотри, и с тобой будет то же самое, если не будешь кушать, — наставляла Шишка своё единственное чадо.

Жёлудь терпел, стиснув зубы, и не издал ни звука. Впервые

в жизни ему довелось испытать такую страшную несправедливость: Шишик не ел, Шишик озорничал, а проклятые слуги били его, Жёлудя, чтобы запугать этого негодника. Он не выдержал и тихо заплакал от обиды.

Шишак подал слугам знак прекратить порку и сказал:

— Сегодня моему сыночку Шишику приснилось очень вкусное заморское блюдо, которое называется «ешь-не-хочу». Может быть, ты знаешь, как его приготовить?

— И знал бы— не сказал! — отрезал Жёлудь. — Вы подлые трусы и негодяи: вдвоятером бьёте одного, да ещё закованного в цепи!

— Добавьте ему и за то, что не знает, и за то, что не хочет сказать,-приказал Шишак.

Слуги трудились в поте лица.

— Смотрите, и с вами будет то же,— страшала их Шишка.— Уложили вчера моего сынка голодным, вот ему и приснилось небывалое блюдо.

Жёлудь молчал и только кусал губы.

Видя такую картину, Шишик с перепугу сел за стол и согласился съесть пирожное.

Семья торжественно обедала, а Жёлудь так и остался прикованным к стене, под охраной часовых. За весь обед никто не бросил ему даже крошки. Чтобы не смотреть, как уплетает семейка, он отвернулся к стене и крепко-крепко сжал кулаки.

— Смотри, дорогая, как ест наш Шишик, даже за ушами трещит. Видно, перед каждым обедом придётся драть этого разбойника! — радовался Шишак.

— Непременно, — поддержала Шишка, — а не то у нашего сыночка может снова пропасть аппетит!

От этих слов по спине у Жёлудя забегали мурашки.

«А Я ВСЕГО ЛИШЬ ПРОСТОЙ ГОРОШЕК»

Шишак продолжал держать Жёлудя в старом саду прикованным к стене и перед каждым завтраком или обедом приказывал бить его, чтобы вызвать аппетит у своего сыночка. Не отставал от взрослых и Шишик. Он

бросал в бедного пленника остатками еды и огрызками, стрелял выуженными из компота косточками, а то и просто плевался, если ничего не было под рукой.

Не жалели Жёлудя и слуги. При каждом удобном случае они не хуже господ вымещали свою злобу на прикованном пленнике.

Жёлудь терпел все унижения и обиды, однако ни на минуту не терял надежды бежать. Как только замок засыпал, а стражники начинали дремать, опершись на свои копыя, он тут же принимался тереть цепи об острый камень. Только всё было напрасно. Начальник стражи Терновник, увидев это, приказал старые цепи заменить новыми, а своим стражникам-тернучкам велел постоянно напоминать Жёлудю: «Здесь все живут и умирают только по милости господина Шишака».

Тернучки расхаживали взад и вперёд, закинув на плечи колючие копыя, и по нескольку раз в день напоминали Жёлудю, по чьей милости он должен терпеть такие муки. И всё-таки Жёлудь не думал сдаваться. Он стал расшатывать вмурованное в стену кольцо. Однако Терновник заметил и это. Он велел приковать Жёлудя к другому кольцу.

Однажды, когда Жёлудь строил новые планы побега, кто-то с криком вылетел из окна, несколько раз перевернулся через голову и шмякнулся ему под ноги. Нагнувшись, Жёлудь разглядел в потёмках маленькое круглое живое существо с торчащим вихром жёлтых волос. Незнакомец чуть слышно стонал и звал маму.

Недолго думая сын Дуба ухватился за лист Вьюна и стряхнул на голову упавшего незнакомца самую крупную каплю росы.

Когда тот пришёл в себя, Жёлудь спросил:

— Ты кто такой?

— Горох Бегунок.

— Почему же ты прыгаешь из окна, если можно спокойно выйти через дверь?

— Меня Шишик выкинул.

— А что ты делаешь в этом гадком замке?

— Меня схватили тернучки, когда я пахал землю, и пригнали развлекать этого хвастуна и бездельника Шишика.

— А меня они бьют, чтобы запугать его, — пожаловался Жёлудь.

— Они со всеми так обращаются. Мне этот негодяй руки-ноги выкручивал, в землю закапывал, в погремушке мною гремел, как будто я какая-то игрушка. Впрочем, хорошие дети и с игрушками так не обращаются. А ты кто такой?

— Я — Жёлудь, сын Дуба, знаменитый сочинитель и доктор чистописания.

— А я всего лишь простой Горошек, — тяжело вздохнул его собеседник и опустил голову. — Моего отца в деревне тоже Бегунком зовут.

— Так, может быть, ты спортсмен?

— Нет, разве что беда заставит...

Жёлудю понравились искренние ответы Горошка, и он предложил:

— Если хочешь, я буду звать тебя чемпионом по бегу.

— Да мне это ни к чему. Ох, какая на тебе шляпа!

— Видишь ли, шляпа нужна мне для того, чтобы не улетучивались хорошие мысли, — похвастался Жёлудь.

— Ого! — удивился Горох и снова вздохнул. — Ты, наверное, очень умный и много знаешь.

— Разумеется, но ещё больше я забыл, — не моргнув глазом, соврал Жёлудь. — Правда, сейчас не это важно. Ты, парень, кажется, не в кандалах?

— Нет, на мне никакие цепи не держатся.

— Это очень хорошо: значит, ты сможешь мне бежать!

— Нет! Ни за какие коврижки! Ты знаешь, что такое гнев Шишака? Он нас изрубит на мелкие кусочки и скормит курам.

— Этот старый репей? Этот колченогий толстяк? Ты бы видел, как он летел вверх тормашками!

— Вот за это ты и сидишь на цепи.

— Ну и ладно, я хоть знаю, за что сижу.

Не успев подружиться, они уже поссорились и сидели надувшись. Горох не выдержал первым:

— Легко тебе говорить. А ты знаешь, что этот Шишак— главный страж границы Кривдина государства? Он со своими тернучками может не только убить тебя, но и гонять вдоль границы, пока не отвалятся ноги. Он может нас обоих в муку смолоть, может нами квас заквасить... Многое может. Он страшнее зверя.

— Тем более мы должны бежать.

— Я пробовал, да ничего не вышло: с одной стороны— море, с другой— река, с третьей — горы и ни кусочка почвы.

— А что с четвёртой?

— Не спрашивай: самое плохое, что только может быть на свете,— лес! Такой густой, что вряд ли нам с тобой удалось бы сквозь него пробраться.

— Я к лесу привык. А этот лес с какой стороны?

— С южной. Только там птиц полным-полно.

— Всё равно надо бежать.

— Тогда бежим, — поднялся Горох и тут же упал на землю.

На него навалился Жёлудь.

— Здесь все живут только милостью господина Шишака, — сказал, проходя мимо, стражник.

— Как ты неосторожен... — прошептал испуганному другу Жёлудь. — А кто меня от цепей освободит?

— Ты доктор, ты и думай, — пожал плечами Горох.

— Я уже придумал. Ты осторожно прокатись в спальню Шишака и выкради у него ключ. Он его держит под подушкой.

— А Шишак не проснётся? — с опаской спросил Горошек.

— Не бойся! — ободрил его Жёлудь. — По-моему, даже здесь слышно, как он храпит.

Жёлудь подсадил приятеля. Тот ухватился за стебель вьюна и пополз вверх. Вскоре Горошек скрылся в тёмном проёме окна. Жёлудь ждал возвращения приятеля и никак не мог дожидаться. Напрягая слух, он прислушивался к каждому шороху, к малейшему звуку. Сердце так билось, так колотилось, что разбудило бы стоящего поблизости часового, если бы Жёлудь вовремя не прижал его.

— Спит без задних ног,— послышался сначала голос Горошка, затем показался его весёлый вихор, а потом уже появился и он сам.

Жёлудь схватил приятеля в охапку и не хотел отпускать, словно у него в руках была сама свобода.

— Держи ключ, — вырвался из объятий Горох.

— Ничего ты не понимаешь, ничего ты не знаешь, — всё ещё не отпускал его Жёлудь. — Я впервые в жизни нашёл друга. Впервые!

— Ну ладно, ладно.

Горох быстро отпер кандалы и хотел бросить их у стены, но Жёлудь удержал его и перекинул кандалы через плечо.

— Зачем они тебе? — удивился Горошек. — Только звенеть будут.

— Неужели я, имея свободные руки и такого друга, не отплачу этому жестокому Шишаку? Ты ещё меня мало знаешь.

— Попадёмся, — дрожал Горошек. — Ты и обо мне подумай.

— Тогда уж лучше снова посади меня на цепь, — сказал Жёлудь.

— Тебе лучше знать, ты доктор, — уступил приятель.

Мимо прошёл заспанный стражник и предупредил:

— Здесь все и умирают только по милости господина Шишака...

Заговорщики поднялись по перламутровой лестнице и стали тихо пробираться по янтарным коридорам замка. Спальню Шишака долго искать не пришлось: из-за двери доносился мощный храп, от которого дрожал потолок. Тернучки-стражники в коридоре тоненько подхрапывали своему повелителю.

Друзья прокрались в спальню. На одной кровати кверху брюхом спал Шишак, а на другой — свернувшаяся клубочком Шишка. Жёлудь осторожно подкрался, соединил цепью их ноги и запер на замок. Затем друзья проникли в соседнюю комнату, где спал Шишик. Жёлудь и тут не выдержал, чтобы не выкинуть шутку. Он быстро нашёл свою тетрадь, чернила и перо, окунул палец в чернила и нарисовал маленькому бездельнику красные усы.

— Бежим! — потянул его Горох.

Очутившись во дворе, приятели подбежали к источнику газированной воды, бросили в него железный ключ от цепей, а сами пролезли сквозь живую изгородь и пустились бежать в сторону розовеющего неба.

Едва взошло солнце, стражник заметил, что Жёлудь исчез. Он тут же поднял страшный шум.

— Сбежал! Сбежал! — кричал он, стуча древком копья по висящей сковородке.

Услышав крик, Шишак бросился к двери, а Шишка — к окну, и оба тут же растянулись на полу. Спросонок они подумали, что кто-то тащит их за ноги. Тогда Шишак бросился к окну, а Шишка — к двери. И снова оба грохнулись как подкошенные.

— Караул! — кричала Шишка.

— Пощадите! — вопил Шишак.

На крик вбежал в спальню и маленький бездельник Шишик. Увидев его красные усы, родители решили, что это кровь, и бросились к сыну, но тут же оба полетели кубарем и вывихнули себе ноги. Падая, Шишак и Шишка разбили лбы и расквасили носы.

Так, валяющимися на полу, и нашёл их начальник стражи Терновник.

— Догнать! — кричал ему посиневший от злобы Шишак.

— Расковать! — не уступала пожелтевшая от страха жена.

— Догнать! — приказывал Терновник.

А тернучки бросались то в одну, то в другую сторону, пока вконец не сбились с ног.

— Расковать! — закричала Шишка, которая спустя добрый час одержала всё же верх, вцепившись в волосы Шишаку.

Все дворовые бросились искать ключ, но так нигде и не нашли его. А ключ всё глубже и глубже погружался в бездонный источник газированной воды.

ПОХИЩЕНИЕ ЖЁЛУДЯ

Горох действительно не хвастался, когда говорил Жёлудю, что, если понадобится, он может быстро бегать. Вырвавшись из замка Шишака, он всё время мчался впереди своего друга, не чуя земли под ногами. Жёлудь отставал, но, не желая показаться слабым, доказывал:

— Тебе хорошо... А у меня тетрадь падает... Чернила проливаются... Перо из-за уха выскакивает...

А Горох всё удалялся и удалялся. И когда в траве скрылся даже его торчащий вихор, сын Дуба не выдержал и закричал:

— От-дох-нём!

— Нельзя, уже светает! — ответил Горошек и припустился ещё пуше.

Но как ни спешили друзья, небо на востоке всё светлело и светлело. Первые лучи солнца золотили плывущие по небосводу облачка и медленно опускались на землю.

Вдруг сверху какая-то птица захлопала крыльями и так громко защebetала, что Горох от испуга семь раз перевернулся через голову и покатился в траву. Птиц он боялся смертельно.

Споткнувшись о него, растянулся и Жёлудь.

— Делай что хочешь, только не клюй! — обхватив руками голову, вертелся Горох.

— Я... не... птица... — не в силах отдышаться, проговорил Жёлудь. — Не бойся...

Солнце, глянув краешком глаза на землю, не выдержало и улыбнулось. В чистом поле, сунув голову под листок, лежал храбрый Горох, не побоявшийся забраться в спальню Шишака, и дрожал от страха перед маленьким, щебечущим в поднебесье Жаворонком. Рядом с Горохом, не дыша, валялся другой смельчак Жёлудь, который не раз похвалялся, что ему ничего не стоит обскákat весь мир на одной ножке.

— Что ты дрожишь? — спросил он наконец.

— Тебе хорошо прятаться, ты продолговатый. А я — хоть стой, хоть падай — отовсюду виден.

— Эта птица не опасна, она поёт гимн Солнцу, — успокаивал приятеля Жёлудь.

— А когда споёт и вздумает поесть?
— Она же видит, что мы с тобой мирные путники!
— А если забудет натошак? Слышишь, как она орёт? Пугает.
— Неправда, она радуется. На птичьем языке её песня означает вот что:

Чир-вир-вир,
Весной холодной
Деток вывела голодных,
Голобрюхих,
Голобрюхих,
На обочину...
Чир-вир-виру,
Летом в поле
Будет корму
Всем нам вволю-
Только клюй-глотай,
Только клюй-глотай
Сколько хочется!..

— Если и детей ещё созовёт, тогда нам совсем конец, — продолжал трястись Горох.

— Раз уж ты такой трус, можешь возвращаться к Шишаку. У него в саду молочные реки текут, а он столько дней жаждой меня морил, каплю воды жалея.

— Не тебя одного, — вздохнул Горошек. — Я самого льва не испугаюсь, а птичку, пускай даже малюсенькую, боюсь до смерти. Что же будет в лесу?

— Не печалься, я сын леса: мне деревья не страшны! Встаём! — подбадривал Жёлудь друга.

— Встаём, — еле-еле пошевелил ногами Бегунок. — Мой отец тоже на пруте рос. Деревьев-то и я не боюсь. Гораздо страшнее те, которые сидят на них.

Хоть Горох и подбадривал себя, однако с каждым шагом всё больше отставал от товарища и поминутно оглядывался. А на опушке, услышав гомон множества птиц, он побледнел и тихонько попросил:

— Может, ещё отдохнём?

— С удовольствием,— ответил Жёлудь,— Сядем, и я тебе расскажу, как однажды самого Ворона одолел. Знаешь, братец, я бы и с Орлом сразился, если б он не боялся меня.

Горошек хотел одёрнуть товарища, чтобы тот не слишком-то хвастался, но вдруг, откуда ни возьмись, на землю прыгнул страшный зверь, схватил Жёлудя за шиворот и унёс на дерево.

— На помощь!— едва успел крикнуть Жёлудь и вместе со зверем исчез в дупле.

Как ни трусил Горох, как ни тряслись у него поджилки и как ни стучали зубы, однако бежать он не собирался. Надо было выручать друга, попавшего в беду.

Бегунок спрятался за листом и стал осторожно осматриваться. Страшный длиннохвостый зверь снова высунулся из дупла и куда-то ускакал. Это была Белка, но Горох не знал этого: он ведь никогда не видел белок. Через некоторое время чудовище снова вернулось в дупло, неся что-то в зубах.

«То, что она такая страшная и большая, — ещё полбеды, но как я доберусь до её дупла?»— размышлял Горошек, подыскивая себе оружие.

Наконец он схватил острую сосновую иглу и отправился на выручку друга.

НИ ПОЩУПАТЬ, НИ ПОНЮХАТЬ

О бойдя несколько раз вокруг огромного дерева, на котором прятался зверь, Бегунок не заметил ничего подозрительного; он только очень устал и присел отдохнуть на какой-то коричневый бугорок. Но до чего же он испугался, почувствовав, что бугорок шевелится и медленно подымает его кверху! Горох мигом соскочил и приготовился к защите, однако никто на него не нападал.

Мох раздвинулся, и Бегунок увидел, что коричневый холмик превратился в коричневую шляпку. Немного погодя высунилось и стройное туловище владельца этой шляпки.

— Здравствуй,— осторожно протянул ему руку Бегунок.— Мы с тобой не знакомы...

— Я — Сморчок. Фи, как здесь холодно!

Пока они здоровались, Сморчок вырос уже вровень с Горохом.

— Как ты поживаешь? — продолжал беседовать с незнакомцем Горох.

— Чуть жив. Под мхом едва не задохнулся, а здесь, видно, от холода ноги протяну, — жаловался неженка, вырастая выше Гороха. — Ещё и шляпку кто-то набекрень свернул.

— Моего друга страшный зверь похитил, и то я не хнычу, сражаться собираюсь. Потерпи и ты.

— Не могу терпеть!

— Не будь таким хлюпиком. Сделай зарядку, согреешься, и дрожь пройдёт.

— Боюсь, что вспотею, а потом ветерок подует, и будет насморк. Я ужасно боюсь насморка.

За то время, что они разговаривали, Сморчок ещё подрос. Это заметил даже Боровик, всех грибов полковник. Он приоткрыл глаза, хмыкнул себе в усы и буркнул:

— В боровики, видать, метит!

Разбуженные полковничьим басом, вокруг Сморчка сбились в кучу сыроежки, опята, рыжики, маслята и прочие малые грибки. Оттеснив Гороха в сторону, они взялись за руки и закружились в хороводе с криками:

— Да здравствует самый боровичный Сморчок!

— Ура Полуторасморчку!

— Сморчок сегодня — это Боровик завтра!

От таких похвал неженка и вовсе размяк.

— Мог бы и ещё расти, но... — Полковник закрыл глаза и уснул.

— Может, может, как не может! — в один голос отозвались малые грибки и бросились тащить Сморчка за уши.

— Не устою! — отбивался тот.

— Мы своими плечами поддержим! — не давали ему раскрыть рот рыжики.

— У меня голова закружится, — бормотал бедняга.

— Держись зубами за воротник! — советовали сыроежки.

— Не удержусь! — хныкал тонконожка.

— Мы тебе поможем! — подбадривали опята.

Сморчок рос как на дрожжах. Рыжики, сыроежки, опята, маслята и прочие мелкие грибки уже не могли дотянуться до его ушей, однако они взбирались друг на друга и тащили изо всех сил. Сморчок становился всё больше. Скоро малые грибки не только до ушей, но и до коленок Сморчка не могли достать, однако по-прежнему кричали:

— Расти, тянись, мы тебе поможем!

Горох протолкался сквозь толпу и обратился к Сморчку:

— Ну и вытянулся ты, братец! Может, и меня теперь подсадишь на ветку дерева?

— Не подсажу, боюсь напрягаться.

— Ведь ты уже в сто раз больше меня!

— Потому и не могу: того и гляди, ножка сломается.

Гороху было очень обидно, но он не позволял себе злиться: его приятеля каждую минуту мог проглотить страшный зверь. Поэтому Бегунок упрашивал, а Сморчок хныкал, извивался и не хотел отрываться от тёплого мшистого ложа. Однако, даже не двигаясь, этот долговязый неженка рос на глазах: что ни слово — то вершок, ещё слово — два вершка; он раздувался, ширился, всё заслоняя своей тенью. Горох даже присел от удивления: каким великаном может вырасти Сморчок за один день!

— Послушай, чудак, ты уже в тысячу раз больше меня. Тебе ничего не стоит меня поднять. Тебе достаточно шевельнуть пальцем, и я спасу жизнь другу.

— Не могу, я сам едва удерживаю свою шляпку. Сил нету.

— Ты такой большой!

— Поэтому и большой, что мне все помогают, а я никому.

— Ах, чтоб тебя подняло и шлёпнуло! — плюнул Горох и побежал искать помощи в другом месте.

— Мы поможем ему! — кричали вдогонку малые грибки.

Между двух ёлочек, оседлав нос большущими очками, вязал сети Паук.

— Слушай, вязальщик, не поможешь ли ты мне в беде? — спросил Бегунок. — Только я очень тороплюсь.

— Если ты не муха — пожалуйста, — ответил горбун.

— Я — Горох. А в беду попал мой друг Жёлудь. Его схватил такой рыжий пучеглазый зверь.

— Этот зверь живёт в дупле?

— В дупле.

— И карабкается по деревьям?

— Да.

— Нет, не помогу.

— Почему?

— Потому что я тоже по деревьям карабкаюсь.

От этих слов у Горошка даже в глазах потемнело. Он уже не знал, как просить, как умолять этого бездушного отшельника, вяжущего свои коварные сети. По зелёным щекам Горошка скатилось несколько слезинок.

— Чего ты плачешь? — удивился Паук.

— Ведь товарищ погибает, — пожаловался Горох.

— Товарищ — это ещё не ты.

— Всё равно я должен ему помочь.

— Если очень хочешь знать, то я тебе скажу: твой товарищ попал в лапы Белки.

— Может, и Белки, но всё равно его надо спасать.

— Не обязательно. — Паук покачал головой. — До зимы с ним ничего не случится.

— Ты самый бессердечный зверь в лесу! — рассердился Горошек. — Как же я могу так долго ждать?

— А никто тебе и не велит. За это время найдёшь десяток ещё лучших товарищей.

Эти слова окончательно разъярили Горошка. Он посмотрел на Паука, на сосновую иглу в своих руках и решительно шагнул вперёд. Паук встревожился. Он поправил очки на носу и внимательно осмотрел Бегунка.

— А ты действительно не муха? — переспросил он Гороха.

— Вот документы, — еле сдерживаясь, ответил зеленощёкий.

Паук полистал паспорт Горошка, почитал, что там написано, и вернул:

— В паспорте сказано, что ты Горох, что ты Бегунок, но нигде не сказано, что ты не муха.

— Я действительно Горох, и больше никто.

— А леший тебя знает. Теперь всяких развелось...

— Как же я тебе докажу, что я не муха?

— Это уж твоё дело.

— Если бы я был мухой, то мне не пришлось бы просить у тебя помощи. Я бы сам полетел к дуплу.

— Верно говоришь. Все съедобные предметы летают, а несъедобные стоят на месте. Если бы ты летал, я знал бы, как с тобой поступить. Но что мне делать, если ты не летаешь? Подойди-ка поближе: пока своими лапами не пощупаю, всё равно не поверю.

— На, щупай! — Горошек распахнул рубашку на груди. — Только быстрее.

— А твоего товарища кто пощупает? — невозмутимо спро-

сил Паук.

— Влезь на дерево и сам пощупай, — не выдержал Горох и, видя, что напрасно теряет время, вонзил в спину Паука сосновую иглу. — Ну, шевелись, а не то я проткну тебя, как лягушку!

У горбуна от страха очки свалились. Он быстро схватил моток верёвок, закинул за спину и сказал:

— Теперь я вижу, что ты не муха!

Горох привёл этого никому не верящего лесного жителя к дереву, на котором жила Белка, и остановился в удивлении. Сморчок качался как пьяный, не в силах выдержать свою огромную шляпу, а малые грибки, сбившись в кучу, поддерживали его со всех сторон. Рты у всех были раскрыты, но сказать они уже ничего не могли — охрипли.

Вдруг Боровик проснулся от необычной тишины, приоткрыл заплывший глаз и увидел рядом с собой только что выросшую Лисичку. Он улыбнулся крохе и, начальственно подмигнув, спросил:

— Ишь ты, растёшь? Тянешься, чтоб тебе пусто было!

Все рыжики, сыроежки, опята и маслята, а также прочие малые грибки бросились к Лисичке, схватили её за уши и, танцуя вокруг, запели:

Сегодня — лисичка,
Завтра — полковик,-
Так сказал лично
Сам Боровик!

Оставшись в одиночестве, Сморчок ещё немножко покачался и рухнул. Его шляпа проткнулась и налезла на хлипкий черенок, а от бывшего величия остался только неприятный запах.

— Ну и гриб! — махнул рукой Горох.

— Всю жизнь дружки за уши тащили, вот он и пал раньше времени, — сказал Паук. — Хотя и не муха, а совсем никчёмная тварь...

— Наконец-то разговорился! — ткнул Горох Паука сосновой иглой. — А откуда ты знаешь, если не пощупал?

— Такого по запаху узнать можно, — ответил согнувшийся под ношей горбун.

Подойдя к дереву, Паук взобрался на вершину, привязал конец верёвки к ветке, а потом, спускаясь, стал быстро наращивать верёвку. Когда он достиг земли, Горох испытал верёвку на прочность и начал взбираться по ней. Паук полез сзади. Сильными своими плечами он поддерживал Гороха снизу.

ТВЁРДЫЙ ОРЕШЕК

Жёлудь открыл глаза, протёр их, но ничего не мог разглядеть. Постепенно привыкнув к темноте, он заметил, что лежит в большом дупле, выстланном дубовыми листьями. Всё вокруг так остро напоминало дом, что Жёлудь не выдержал: две скупые горячие слезы скатились по его щекам.

Вдруг стало ещё темнее. Белка просунула голову в дупло и кого-то бросила. Перевернувшись в воздухе, несчастный шлёпнулся рядом с Жёлудем, но тут же вскочил, отряхнулся и стал размахивать перед собой кулаками.

— Я ей покажу!.. Левой сбоку, правой снизу,— бормотал незнакомец себе под нос, усердно боксируя.

Увидев Жёлудя, он остановился, несколько раз топнул ногой, глубоко вздохнул и, вежливо сняв зелёную, изрядно потрёпанную шляпу с резными полями, представился:

— Орех. То есть четырёхкратный чемпион куста Орех Лесной! Для друзей просто Орех.

— Да ты ещё совсем зелёный! — удивлённо протянул Жёлудь.

— Зато калёный! — гордо выпятил грудь Орех.

— А-а, если ты калёный, тогда другой разговор. — Жёлудь встал, щёлкнул каблуками и протянул руку: — Доктор письменных наук, изобретатель наитолстейшей в мире книги Жёлудь Дубовый. И для врагов и для друзей — только Жёлудь Дубовый.

Орех приложил руки к груди, трижды обежал вокруг Жёлудя, осмотрел со всех сторон, дёрнул за перо, пощупал чернильницу, берет, щёлкнул по носу и сказал:

— Могу поспорить, что ты же изобретатель и самой тонкой в мире книги. Хи-хи, верно сказано?

— Это и без спора ясно, — продолжал пыжиться Жёлудь.

— Тогда идём на спор, что у Белки нет хвоста!

— Не выдумывай.

— Тогда хоть так давай поспорим: ты говори, что снег белый, а я буду говорить, что чёрный. Кто кого переспорит, тот и победит.

— От этого снег не почернеет. Неинтересно. Лучше давай подумаем, как нам отсюда выбраться.

Орех сел, сжал голову руками и глубоко задумался. Наконец он вскочил и сказал:

— Какой дурак станет думать о том, что впереди? Хочешь, я расскажу тебе, как попал сюда? А когда, сбегу — расскажу, как убежал. Ха, толково сказано? Ставлю свою шляпу против твоего берета, что ты напишешь по моему рассказу отличную книгу.

— Написать-то можно, да кто такую чепуху читать станет? — Жёлудь заметил, что его терпение иссякает.

— А тебе не всё ли равно? Важно писать. Я так много всего знаю, что не успеваю рассказывать. Хочешь драться?

Такого хвастуна Жёлудь отродясь не видывал. Ему стало стыдно, что Орех считает его таким же бестолковым невеждой, как он сам.

— Если у тебя чешутся руки, почеси о стенку, — ответил Жёлудь и отвернулся.

— Тогда давай бороться.

— У меня ещё от Белкиных зубов бока болят.

— Ага! Так стукнемся лбами и посмотрим, кто кого шишет. Хе, здорово я придумал?

— Если тебе свою голову не жаль, стукнись об стенку, — рассердился сын Дуба.

Орех разбежался, подскочил и ударился головой в стену. Из глаз у него посыпались искры.

— Ура, придумал! — обрадовался Жёлудь. — Стукнись ещё раз, только как можно сильнее. А я попробую раздуть хотя бы одну искру. Мы разведём огонь и прожжём в дереве дыру.

Орех Лесной снова разбежался, трахнулся лбом о стенку и, упав на колени, стал раздувать прилипшую к подстилке искру.

— Жёлудь, где ты?—
В отверстие дупла просунулся торчащий вихор Горюшка. — Я пришёл спасти тебя!

Сколько радости было, когда Паук спустился в дупло и вынес наружу пленников Белки! Только Орех не дал себя нести:

— Меня, четырежды чемпиона, паучья верёвка не выдержит. В одной мускулатуре сколько весу!

— Выдержит! Нас троих выдержала, а ты один! — кричали ему с земли друзья по несчастью.

Орех ни за что не хотел уступить. Он так спорил, что даже лес притих, прислушиваясь к его крику. Несколько раз хлопал оземь своей шляпой, бил кулаками в грудь, призывая Белку в свидетели, ел мох, пока Паук, потеряв терпение, не свернул свою верёвку и не ушёл вязать сети.

— Теперь и я могу поспорить, что ты свернёшь себе шею, — стал смеяться над упрямцем Жёлудь.

— А вот и не сверну!

— Расшибёшься!

— И не расшибусь!

Орех оттолкнулся, лихо свистнул и вонзился в мох с такой силой, что ноги в землю ушли. У самого большого в лесу спорщика и упрянца оказались согнуты два ребра, на лбу выскочила ужасная шишка, а ступни ног, когда их вытаскивали из земли, вывернулись задом наперёд. Теперь Орех смотрел в одну сторону, а шёл в другую.

Друзья сжалились над беднягой, сделали носилки и понесли его. Возле первой попавшейся лужи Жёлудь обмыл его, обвязал треснувшие рёбра паутиной и сказал:

— Полежи здесь, пока мы найдём дорогу.

Не успели они отойти, как Орех вскочил на ноги и начал спорить сам с собой:

— Бьюсь об заклад, что мой бок цел и невредим!

Однако он неосторожно повернулся и от резкой боли свалился на приготовленную товарищами постель. Его так скрутило, что он заорал не своим голосом:

— Жёлудь, на что хочешь могу спорить, что я сейчас же умру!

Подоспевшие товарищи стали успокаивать расстроенного спорщика, однако он никак не мог утешиться.

— Вот умру, и кончено.

— Ну и умирай! — разозлился Горошек. — Подумаешь, какое несчастье: будет одним упрямцем меньше.

— Нет, тогда я нарочно не умру, — снова встал на ноги Орех.

Так и мучились друзья всю дорогу, пока наконец не избавились от заядлого спорщика. Случилось это так. Пройдя часть дороги, Орех снова заспорил:

— Мы двигаемся в обратную сторону!

— Ты совсем спятил! — удивился Горошек.

— Давай поспорим!

— Нет, мы идём правильно! — отрезал Жёлудь.

— Нет, неправильно, даю голову на отсечение! Не верите? Тогда я отправлюсь назад и посмотрю, правду вы говорите или нет, — заупряился спорщик.

И хотя Орех Лесной смотрел назад, однако вывернутые ступни его побежали вперёд. Через некоторое время товарищи

застали Ореха отчаянно спорящим с каким-то жуком. Доказывая, что жук не жук, Орех топал ногами, ел землю, клялся провалиться на этом месте.

Но вдруг с дерева соскочила Белка, схватила спорщика за шиворот и унесла в дупло.

— Иду на пари, что я уложу её с третьего удара! — ещё успел крикнуть Орех.

— Это его последнее пари, — вздохнул Горох.

Жёлудь тоже хотел что-то сказать, но опустил голову и молчал всю дорогу. Лишь выбравшись из этого страшного леса, он вздохнул с облегчением и благодарными глазами посмотрел на своего приятеля.

— Горошек, дорогой друг, ведь и я... ведь и мне... А, да что тут много говорить!

Жёлудь почувствовал, как его грудь наполнилась каким-то новым, очень хорошим чувством, для которого не нужны были ни слова, ни взгляды. Он только махнул рукой и ещё быстрее зашагал, хоть и очень хотел сказать Гороху, что ради него не пожалел бы ничего на свете, даже собственной жизни.

А Горох словно обо всём забыл. Он катился, немного отстав, и робко поглядывал по сторонам.

— Ты снова из-за этих птиц? — спросил Жёлудь.

Горошек кивнул головой и сказал:

— Я и Паука боялся, а теперь только смех берёт.

— И есть же такие негодники! — тяжело вздохнул сын Дуба.

— Есть, и ещё мух ловят, — поддержал его Горошек и, подпрыгнув, кое-как перекатился через упавшую травинку.

На третий день путешествия друзья подошли к какому-то полю.

Вокруг стояла такая тишина, что слышно было, как трутся друг о друга облака, как опадают пушинки одуванчика и как собирается туман над рекой.

— Может, поспим? — спросил усталый Горох.

— Можно, — согласился Жёлудь.

Только они хотели лечь, как вдруг впереди задрожала земля, послышалась канонада, солнце скрылось за тучей пыли и дыма.

— Прячься! — Жёлудь втащил друга в какую-то ямку и прикрыл своим телом.

Едва успели они укрыться под листиком клевера, как мимо пронёсся отряд фасолей-всадников. Все, как один, восседали они на кузнечиках, вооружённые сосновыми иглами и мечами из сухих стручков. Целая армия!

Земля содрогалась под копытами коней, вздымались столбы пыли. Отряд за отрядом, полк за полком, запылённые, понурив тяжёлые головы, скакали и скакали кавалеристы в жёлтых мундирах.

Последний отряд остановился неподалёку от убежища друзей. В центре гарцевал всадник, совсем не похожий на остальных. На нём был красный мундир с чёрными точками, плащ из тончайшей паутины и белый шлем из чашечки цветка. Ордена и знаки отличия не умещались на его груди, поэтому за ним следовал специальный носильщик. Однако и тот был почти не виден под грудой крестов и звёзд.

Всадник въехал на вершину кротового холмика и стал кричать:

— Вперёд, всадники! В бой, храбрецы! Ещё одна атака — и мы победим!

Жёлудь не вытерпел и подтолкнул Гороха:

— То-то будет работа моему перу! Настоящую войну опишу. Воробей от зависти онемееет.

— Не понимаю, зачем нам ввязываться в чужую драку? — возразил Бегунок.

— Какой ты чудной! — не сдавался Жёлудь. — Они, наверное, дадут и нам пострелять.

Он выскочил из убежища и подбежал к бравому всаднику. Тот наставил на него копьё из сосновой иглы, пришпорил кузнечика и чуть было не растоптал Жёлудя.

— Вы кто такие? Откуда путь держите? — тут же обступили друзей всадники.

— Я знаменитый военный корреспондент и мастер письменных дел Жёлудь Дубовый, а это мой друг, замечательный поэт Горох Бегунок.

— Очень приятно. А я — Тур-Боб-набоб, правитель Бобового царства, потомок могущественного заморского рода, турецкой породы. И пока я жив, пока на моей груди будет хоть одна медаль, ни одному чужестранцу, ни одному самозванцу не позволю править моим царством. Я всех разнесу! Пускай весь мир знает, что я расправлюсь с пехотой и рано или поздно завоюю весь мир. Вперёд!

— Прекрасно, так и запишем! — обрадовался Жёлудь и раскрыл свою тетрадь.

— Пиши: сегодня мне принадлежит Бобовое царство, завтра — Кривдино государство, а послезавтра — весь мир! Победа так и рвётся в мои объятия. А ты, поэт Горох, должен сочинить в мою честь песню. Дать им коней!

Правитель дёрнул поводья своего рысака и помчался вперёд.

Свита понеслась следом.

Жёлудь летел как угорелый, а Горошек едва держался в седле. От бешеной скачки у него стучали зубы, развевался торчащий на лбу вихор. Но даже и при этом он не мог смолчать:

— Из-за тебя мы из этого Кривдина государства до старости не выберемся. Увидишь, как миленькие влипнем... — Он не договорил, так как прикусил язык.

— Не трусь, я научу тебя смелости, — хвастался Жёлудь. — Представь себе, что вокруг одни неучи, и никого не бойся.

— Я пытаюсь, но почему-то вижу только одного, — рассердился Бегунок.

— Песню! — приостановив коня, рывкнул владыка Бобового царства и сверкнул глазами. — Когда вы сочините песню?!

От его крика у приятелей потемнело в глазах, заложило уши, а по спине забегали мурашки. Поравнявшись с Горохом, Жёлудь тихо сказал:

— Надо что-нибудь придумать.

— Ты похвастался, ты и думай.

— Но ведь ты поэт!

— Спасибо, в следующий раз ты скажешь, что я свинья, и велишь рыть землю носом. Ещё раз говорю: я всего лишь простой Горошек и вовсе не хочу, чтобы меня называли всякими выдуманными именами.

Жёлудь морщил лоб, кусал перо, писал и снова черкал, но ничего путного не мог придумать. Дома все песни сочинял Певец, а тут надо было творить самому. От чрезмерного напряже-

ния ума с него сошло семь потов. Возможно, он вспотел бы и в восьмой раз, но, видя, что знатный всадник достаёт из ножен меч, маленький самозванец стал выкрикивать первое, что пришло ему в голову:

Краснощёкий
Боб-набоб,
В чёрных точках
Нос и лоб.
Средь Бобовых
Главный боб
Пучеглазый
Тур-набоб!

— Как ты смеешь?! — взмахнул мечом предводитель кавалеристов.

— Эта песня предназначена для ваших врагов, чтобы они ещё больше боялись, — в страхе оправдывался Жёлудь. — А для вас мы сложим другую.

После такого объяснения песня очень понравилась правителю. Спустя несколько часов армия уже распевала этот ужа-сающий марш, от которого должны были разбежаться все враги.

— Действительно, этот надменный Боб-набоб — страшный невежда и безнадёжный глупец, — обрадовался Горох. — Это наше счастье, дорогой Жёлудь, потому что врать тебе пока удаётся гораздо лучше, чем говорить правду.

Однако враги и не думали разбежаться. В конце поля загромыхали пушки, посыпался град пуль и снарядов, начался бой.

Носились кони без всадников, ползали всадники без коней; вокруг раздавались крики и стоны. А к полю боя скакали всё новые и новые полки.

Стоя на большущем камне, Боб-набоб не отрывался от бинокля и кричал:

— Вперёд, вперёд! К окончательной победе!

— Что думает главнокомандующий о ходе боя? — спросил Жёлудь.

— Гул орудий для меня прекраснее любой музыки. Огонь войны для солдата милее хлеба, — напыщенно ответил Боб-набоб.

Вдруг над их головами разорвался шрапнельный снаряд, заряженный ядовитыми семенами белены. Испуганные кони метнулись в сторону и понесли всех в самое пекло боя.

— Отбой! Отбой! — не своим голосом закричал правитель Бобового царства. — Трубить отбой!

Но было уже поздно. Жёлудь вылетел из седла, перевернулся в воздухе и, грохнувшись на землю, потерял сознание. Только выпавшая к вечеру роса привела его в чувство. Вокруг было тихо и пусто. Где-то неподалёку чуть слышно стонал раненый, где-то ржал конь. Жёлудь крикнул раз, другой, но никто не откликнулся.

Собравшись с силами, он медленно пополз на стоны. В большой воронке, вырытой снарядом, лежал Горошек.

— Куда ты ранен? — спросил Жёлудь.
Горох ничего не ответил, только жалобно застонал. Жёлудь увидел распоротый бок товарища и, не выдержав, упал как подкошенный.

ПЛЕН

Когда голова у Жёлудя перестала кружиться, Горошек уже не стонал. Он терпел, стиснув зубы, и даже пытался улыбнуться.

— Теперь я ничего не боюсь, — с надеждой промолвил Бегунок. — Ведь ты знаменитый доктор и быстро вылечишь меня.

— Разумеется, — пообещал Жёлудь и, взявшись руками за голову, глубоко задумался.

В эту минуту он ненавидел себя. Жизнь Горошка висела на волоске, а он не мог помочь другу, потому что, кроме как врать и хвастаться, ничего больше не умел. Правда, Жёлудь однажды видел, как люди залечили его папаше подгнивший бок цементным пластырем, но не мог придумать, где достать это чудесное лекарство.

А Горошку становилось всё хуже и хуже. Жёлудь сбегал к ручью и принёс ему полный берет воды.

— Только не умирай, — умолял он друга. — Только, будь так добр, не умирай.

— Даже и не думаю, — бодрился Бегунок. — Ведь ты сейчас начнёшь меня лечить?..

Так и нашла их в воронке санитарка Фасолька. Она достала из своей сумки комочек воска, одному залепила бок, другому — пробитую голову и семь суток, не присаживаясь, ухаживала за ними, пока оба друга не встали на ноги. Однако за это время фронт откатился назад, и все они очутились на территории противника.

— Почему ты не отступила со своими? — спросил Жёлудь санитарку.

— Как я могла оставить в беде друзей нашего Тур-Боб-набоба? — удивилась Фасолька. — Ведь вы были тяжело ранены.

— Троекратное ура!
Троекратное ура!
До чего же ты добра!

— Жёлудь не удержался и выразил своё восхищение в стихах.

— Не понимаю, — покачала головой Фасолька.

— На языке поэтов это означает, что ты славная девушка. Ты спасла нас от смерти.

Санитарка только потупилась и ничего не сказала.

— Дайте мне карту: я хочу посмотреть, где мы сейчас находимся, — потребовал Жёлудь.

— А что это за карта?

— Чтобы научиться её читать, надо по меньшей мере четыре года ходить в школу.

— А ты ходил? — спросила Фасолька.

— Я знаменитый... гм... — Хвастун кашлянул, снова желая что-то соврать, но, услышав стон Горошка, осекся и сказал правду: — Один год. Карта нам очень помогла бы. «На хорошей карте каждый куст отмечен», — говаривал мой учитель Ворон.

Опасаясь что-либо соврать, Жёлудь встал и, ковыляя, пошёл по полю. Горох следовал сзади, опершись на плечо Фасольки.

Возле срубленной осколком снаряда былинки лежал раненый всадник-фасоль. Его кузнечик, опустив голову, стоял рядом. В боку солдата торчал штык пехотинца — еловая иголка. Жёлудь попросил у Фасольки воску, вытащил иглу, залепил рану, наложил на неё повязку из паутины и стал расспрашивать раненого:

— Ты какого полка?

— Не знаю, я неграмотный.

— Что это за война у вас?

— Столетняя.

— О-о! И с кем же вы воюете?

— Грядка с грядкой.

— Между собой?

— Ну да!

— Из-за чего же вы не ладились?

— Я и сам не знаю. Тысячи наших братьев-всадников уже сложили головы, пехотинцев пало ещё больше, но этим сражениям ни конца ни края не видно. Такова, стало быть, воля обоих Бобовых правителей Тур-Боб-набобов.

При этом имени фасоль даже затрясся от страха.

— Почему обоих?

— И у пехотинцев есть такой же повелитель.

— Послушай, что ты рассчитываешь выиграть войной? — спросил у раненого Горох.

— Ничего, — рассердился кавалерист. — Ничего я не хочу, только побыстрее вернуться домой и повидать деток.

— Но твой повелитель говорит совсем иначе.

— На то он и повелитель. А вы кто будете?

— Мы... — Жёлудь хотел снова что-то придумать, но сдержался: на него с упрёком смотрели глаза Горошка. — Мы твои добрые друзья.

— Только никому не говорите о том, что я вам расскажу, — начал всадник. — Это старая история. Мы жили очень мирно, и только по старинке одни звались кавалерией, а другие — пехотой. Но в нашу землю откуда-то явились два чудных Боба: один — красный с чёрными точками, а другой — чёрный с красными точками. Явились и провозгласили себя нашими правителями. Один говорит, что пехотинцы будут господами всего Бобового царства, а другой — что всадники. А мы, дураки, сражаемся! Уже целых сто лет! — Раненый придвинулся поближе, приложил руку ко рту и зашептал: — Говорят, ни один из них не похож ни на всадника, ни на пехотинца.

— Так почему же вы слушаетесь этих чужаков? — удивился Жёлудь.

— А почему вы сочинили для Тур-Боба такую песню? — вмешалась Фасолька. — Распевая её, всадники будут воевать ещё сто лет.

— Он на меня с мечом бросился, — пытался оправдываться Жёлудь, но Горох подтолкнул его и сказал:

— У нашего Жёлудя от всяких изобретений и учёных званий голова идёт кругом. Поэтому он иногда сам не знает, что делает.

Друзья подняли раненого на коня и двинулись дальше. В густых травяных зарослях их вдруг окружили пехотинцы.

— Руки вверх! Головы в плечи! — скомандовал старший.

Пехотинцы связали пленникам руки и погнали на свою сторону.

— Посмотрим, что ты сам теперь запоешь! — поддел приятеля Жёлудь.

— А я посмотрю, как ты опишешь свою собственную кончину,— лопнуло терпение и у Горошка.

— Ты только за свою шкуру дрожишь, — не уступал Жёлудь.

— А ты и свою не бережёшь, и чужую не жалеешь.

— А ты трус!

— А ты задавака!

— А ты неуч!

— А ты столько всяких званий себе понавыдумывал, что сам запутался, не зная, каким назваться, хвостун!

«Ты такой, а ты сякой, ты так, а ты этак!» Как начали оба пререкаться, как начали дразнить друг друга— чуть было до драки не дошло. Пехотинцам пришлось прикладами умерить пыл пленников. Слушая их, Фасолька покраснела и сказала:

— Это что, всегда у вас так?

Драчуны молчали.

— Пока всё хорошо— вы друзья, а когда плохо— вы враги?— пристыдила их Фасолька. — Надо держаться заодно, ведь мы в плену.

— Прости меня,— извинился Жёлудь перед Горохом.— Голова моя столько времени была дырявой: может, ветер и выдул мозги. Я больше так не буду.

— И у меня в боку была дырка, и я больше так не буду,— опустил голову Горох.

Пехотинцы заточили Фасольку в глиняную крепость, а обоих друзей погнали к роскошной палатке, сделанной из перевёрнутого цветка жёлтого тюльпана. Возле палатки сидел предводитель пехотинцев. Раненый всадник сказал правду: этот Тур-Боб был в мундире, испещрённом красными точками, на голове у него был шлем из синеватого цветка. За ним повсюду следовали сразу двое слуг, увешанных его крестами и знаками

отличия. Только тем он и отличался от предводителя всадников.

— Расстрелять шпионов! — крикнул он.

Жёлудь поклонился и сказал:

— Послушай, о повелитель, не поторопился ли ты? Я всемирный корреспондент, доктор и мастер газетных дел, а это мой друг, несравненный поэт Горох. Мы желаем, чтобы твои ордена и кресты не уместились и на третьем слуге...

— Извините, пожалуйста, я не знал, что и вы заморского рода. Прошу вас, входите.

Горошек ущипнул Жёлудя и шепнул:

— Снова влипли. Неужели мне теперь придётся на турецком языке сочинять стихи для этого глупого выскочки? Я сразу признаюсь, что ни бельмеса не смыслю по-турецки.

— А ты думаешь, он сам смыслит что-нибудь?

Палатка была устлана коврами из лепестков роз, увешана оружием и картинами. Слуги принесли трубки и чашки с кофе. Жёлудь сел поудобнее и торжественно произнёс:

— Шахер-махер-тарарам!

Горошек фыркнул в кулак, сославшись при этом на то, что у него насморк, и столь же торжественно отвечивал:

— Махер-шахер-рататам!

Повелитель пехотинцев разинул рот, выпучил глаза и опомнился спустя лишь добрых полчаса:

— Я вас прекрасно понимаю, но мне хочется, чтобы вы говорили на бобовом языке, так как мои подданные могут не понять вас и не сразу выполнить вашу волю.

Жёлудь подмигнул Гороху и перевёл его речь:

— Мой друг сочинил в вашу честь стихи, которые называются «Ужас врагов», только он сам не может их прочесть.

— Разрешаю это сделать вам, — ответил повелитель.

Жёлудь откашлялся и выпалил:

Чернощёкий
Тур-набоб,
В красных точках
Медный лоб.
Всех врагов
Загонит в гроб
Косоглазый
Боб-набоб!

— За такое оскорбление я прикажу засунуть вас в дуло пушки и выстрелить против ветра!

— Эту песню он сложил на страх вашим врагам, чтобы они тряслись, как осиновый лист! — поспешно объяснил Жёлудь.

И правителью пехотинцев понравилась песня. Он приказал своим солдатам как можно быстрее выучить её, а Жёлудю велел записать и разослать всем газетам мира следующее заявление:

«Я — единственный правитель Бобового царства Кривдина государства и никого больше знать не знаю. Я владыка владык всех бобовых, несравненный Тур-Боб- набоб. Я расколошмачу этого заросшего паутиной выскочку, заставлю его съесть подошву собственного сапога! Но это только начало. Потом я объявлю войну всему миру. Вперёд, вперёд к окончательной победе!»

Все слуги вскочили, стали на руки, задргали в воздухе ногами и взревели:

— Ура набобу!

Так у них было принято приветствовать Тур-Боб-набоба.

Жёлудя и Гороха поместили в отдельной палатке. Друзья сели и долго ещё смеялись.

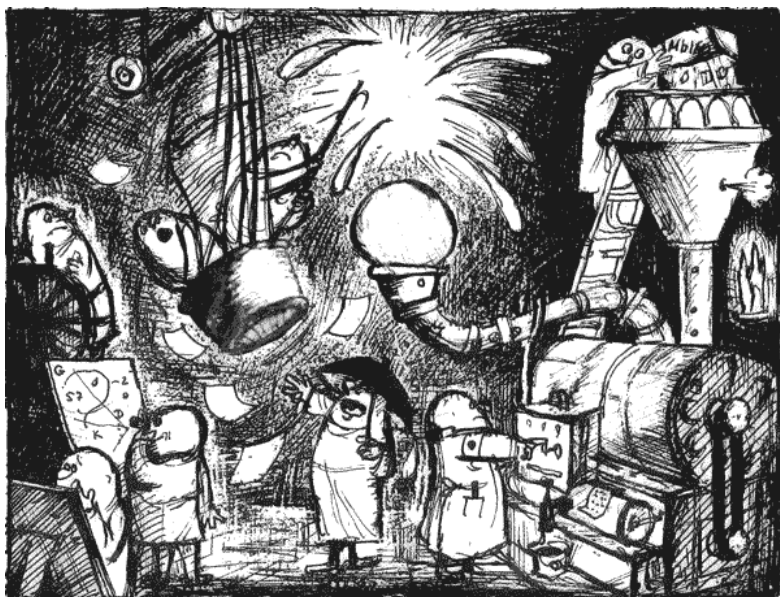
— Скажи, — начал Жёлудь, — неужели я выгляжу так же глупо, когда вру и хвастаюсь?

— Глуповато, — сказал Горошек. — А в общем, кто тебя знает...

— Э, братец, нам с тобой обманывать друг друга не к лицу. Ведь это дело дураков.

Жёлудь тут же хотел выложить о себе всю правду от начала до конца, но Тур-Боб повёл их осматривать укрепления.

В глубоких траншеях сидели тысячи пехотинцев, вооружённых винтовками из былинки, к которым были примкнуты штыки из еловых игл. Солдаты смертельно устали и спали где придётся, однако они и во сне дрыгали ногами, отдавая честь своему предводителю. Перед линией окопов тянулись заграждения из шиповника, а в промежутках между ними стояли орудия всех калибров из стволов одуванчика, конского щавеля и бузины. С тыла подползали колонны танков — громадных улиток, на которых сидели танкисты-фасоли.

— Из-за них я никак не могу перейти в наступление. Каждый раз опаздывают к бою! Но ничего. Мои военные инженеры и учёные работают над новым видом оружия. Скоро мы начнём уничтожать этих всадников с воздуха.

Боб-набоб повёл гостей в глубокое подземелье, вырытое Кротом. Стены были выложены светящимися гнилушками. При этом свете, зеленоватом, немигающем, трудилось множество военных учёных. Они пускали мыльные пузыри и старались прицепить к ним большие корзины. Но как только пузырь соприкасался с крючком, он тут же лопался и обдавал всех брызгами. Тогда учёные бросались к чертежам; уткнувшись носами, усердно проверяли расчёты, долго спорили и начинали всё сначала.

Увидев Тур-Боба, они стали на руки, задрывали ногами, выкрикнули боевой клич и снова взялись за дело.

— Прошу прощения,— спросил практичный Горошек,— почему они, приветствуя вас, поднимают вверх ноги, а не руки?

— Это моё изобретение,— похвалился Боб-набоб.— Руки солдата всегда должны быть свободны, чтобы держать оружие. Но это ещё не всё. Спустимся глубже. Прощу вас.

За пятнадцатью двойными дверьми, под охраной сотни солдат сидели пожелтевшие от старости учёные и что-то чертили. Они не стали на руки, только задрали ноги к седым головам и снова склонились над чертежами, что свидетельствовало об особой милости набоба.

— Эти учёные мужи создают аппарат, с помощью которого можно будет притянуть Солнце к Земле. Если это удастся, мы не только забросаем своих врагов бомбами, но и сожжём их, как солому.

— Как же так? — задрожал Жёлудь. — Если вы притянете Солнце, сгорит вся Земля, а с ней и мы все!

— Неважно, зато наши враги будут сожжены первыми! Я в этом не сомневаюсь.

— А нельзя ли договориться по-хорошему? — несмело спросил Горох.

— Можно, но зачем? Вы, поэты, ничего не понимаете. Оружие куётся для войны, а не для игрушек. Если солдат гибнет на войне, то так ему и положено. В моём царстве только женщины и калеки умирают в постели.

Жёлудь не успевал всё записывать в свою тетрадь. От глупых речей Тур-Боба у него дрожали руки. Он засунул перо за ухо и сказал:

— Простите, а для чего вам завоёвывать мир и что вы будете делать потом?

— Во-первых, мир для того и создан, чтобы его кто-нибудь завоевал. А когда он будет в моих руках, тогда я объявлю войну Луне.

— А дальше?

— Мне не важно, с кем воевать. Я знаю, что воинскую славу можно обрести только на войне, поэтому и воюю.

— И я хочу спросить,— скромно вмешался Горох.— Неужели ваши учёные не могут придумать такую машину, которая сама бы выращивала хлеб или, допустим, пахала землю?

— Могут, но не хотят. За такие штуки им не достанется ни орденов, ни денег.

И снова запели трубы и начался бой. Шли вереницы пехотинцев, шли, как стадо баранов, и падали под мечами всадников. От грохота у всех заложило уши. Орудия разных калибров, заряженные порохом из чёртова табака, гремели до позднего вечера.

Когда один из осколков продырявил жёлтую палатку и выбил трубку изо рта отважного полководца Тур-Боб-набоба, тот завопил не своим голосом:

— Отбой! Отбой! Солдатам надо отдохнуть!

Теперь Жёлудь прекрасно понимал, с кем его свёл случай. И у него возникло неудержимое желание устроить обоим Тур-Бобам такое, чтобы им больше не только воевать, но и драться не захотелось.

ВОССТАНИЕ

На следующее утро друзья посетили полевой госпиталь, устроенный под большущим листом Лопуха. Здесь лежало множество раненых фасолей-пехотинцев.

— Чем вы лечите раны? — спросил Жёлудь у доктора.

— Надеждой, — ответил тот.

— Какой надеждой?

— На скорый конец столетней войны.

— Замолчи, невежда! — оборвал его Жёлудь. — Их надо лечить воском, соками или цементным порошком.

— Совершенно верно, — согласился доктор. — Сейчас мне бы сгодились и обычная цветочная пыльца — только где её взять? Цементный порошок нужен для строительства укреплений, воск — для чистки орудий, сок — для производства пороха, а всё остальное идёт на сооружение одного таинственного аппарата. Брюхо нечем набить, не то что рану смазать. Словом, раненых будем лечить, когда выиграем войну.

Один из фасолей опёрся на своё ружьё и сказал:

— Эх, братцы, пустые разговоры! Мой дед не дожил до этой победы — погиб на поле боя, отец скончался в плену, а я, видно, помру в лазарете.

Огляделся Жёлудь вокруг, и у него потемнело в глазах. Насколько хватал глаз— всюду лежали раненые и ждали конца войны, чтобы их начали лечить. Видя их страдания, Жёлудь стиснул руку друга и сказал:

— Мне больше не хочется стрелять.

— Разве я не говорил? — вздохнул приятель.

— Говорил, — признался Жёлудь. — И всё-таки надо что-то предпринять.

Весь день Жёлудь напряжённо думал, чертил на песке планы, спорил с Горохом и сам с собой, пока не решил:

— Тебе, Бегунок, придётся проникнуть ночью в лагерь всадников и похитить одежду и все знаки отличия их командира, а я постараюсь раздеть повелителя пехотинцев.

— Ничего не понимаю, — развёл руками Горох.

— Тут и понимать нечего. Оба Тур-Боба похожи друг на друга, как два близнеца. Мы обменяем их одежду, а солдаты уж сами будут знать, что делать с предводителем вражеского войска.

— А если они не догадуются? — всё ещё сомневался Горох.

— Подскажем.

— А если не поверят?

— Не будь трусом, — рассердился Жёлудь. — И поторопись, летние ночи коротки.

Горошек убежал. Он тихо перекатился через линию окопов, перебрался через заграждения, а очутившись в тылу врага, пополз на животе. Однако он был такой круглый, что всё равно — стоя ли, лёжа ли — катился по траве, словно его с горки пустили. Тогда Горох сложил руки за спиной и медленно, будто вышел на прогулку, направился к палатке Тур-Боб-набоба. Часовые, видя, что он так чинно шагает, беспрепятственно пропустили его и даже отдали честь высочайшему гостю их повелителя.

Предводитель всадников спал в палатке как убитый. Бегунок расстелил плащ Тур-набоба, сложил в него шлем, одежду, медали и кресты, всё связал и, закинув узел на спину, проследовал тем же путём обратно.

Жёлудя в палатке не было. Он всё ещё лежал на животе перед шатром командира пехотинцев и ждал, пока там погаснет свет или заснёт часовая. Желая проверить, спит ли солдат, он бросил в него камешек. Солдат тут же начал озиаться. Жёлудю ничего другого не оставалось, как трахнуть его хорошенько по затылку.

Забравшись в палатку, он без особого труда собрал все побрякушки и одежду Боб-набоба и пополз уже было обратно, как вдруг приметил стоявшее в освещённой палатке громадное зеркало.

Для начала Жёлудь осмотрел себя с головы до ног, потянулся, состроил рожу: высунул язык и сморщил нос, прищулив один глаз. Зеркало повторяло каждое его движение.

Игра захватила Жёлудя. Он нахлобучил на голову синий шлем набоба, натянул его брюки, обул сапоги со шпорами, облачился в мундир с красными точками и стал цеплять на него всевозможные ордена и кресты. Закончив одеваться, он снова глянул в зеркало и не узнал себя: перед ним стоял бравый вояка.

Жёлудь несколько раз по-военному повернулся и забренчал, словно набитый монетами мешок. Это ему очень понравилось, и он принялся маршировать перед зеркалом, как на параде. А Тур-Боб тем временем видел страшный сон и никак не мог проснуться. Ему чудилось, что всадники наголову разбили всю его армию и теперь гонятся за ним самим.

Проснувшись, он ещё долго боялся открыть глаза. Но до чего же он испугался, когда увидел стоящего перед зеркалом самого себя! Тур-Боб снова зажмурился и в страхе натянул одеяло на голову. Однако в уши лезло назойливое бречание множества орденов. Полководец осторожно ущипнул себя за ногу и снова посмотрел из-под одеяла на разгуливающего призрака. Не было никаких сомнений это ходил он сам!

«А кто же тогда лежит под одеялом?» — подумал Боб-набоб и снова ущипнул себя за ногу.

Но и после этого призрак не исчез. Тогда предводитель пехотинцев стал усердно щипать нос, однако призрак как стоял, так и продолжал стоять перед зеркалом.

— Стража! — заорал храбрец не своим голосом.

От этого крика у Жёлудя подкосились ноги. Он так испугался, что не мог тронуться с места, и машинально схватился за рукоять меча.

— Не убивай!— снова завопил набоб. — Забери всех моих солдат, только оставь меня в живых!— Он бросился на колени и поднял руки вверх.— Сдаюсь! Только скажи, кто ты такой?

Трусливое хныканье Тур-Боба несколько успокоило Жёлудя. Когда сбежалась стража, он уже полностью взял себя в руки и важно сказал:

— Напомните этому оболтусу, кто я такой!

— Вы — господин всех бобовых, несравненный Тур-Боб-набоб!

— А кто же я? — ничего не мог понять заспанный вояка.

— Ты— моя тень, призрак, который в дневное время мне

не нужен,— поддразнил его Жёлудь. — Солдаты, спрячьте его ку-да-нибудь в тёмное место до ночи! — приказал он.

— Ложь! Это предательство! Слушать мою команду!— завопил очухавшийся Боб- набоб.

Но часовые выполнили приказ Жёлудя— заперли своего настоящего предводителя в подземелье.

Сыну Дуба так понравилось быть могущественным, всеми почитаемым командиром, что он решил подшутить и над своим приятелем Горошком. Сгибаясь под тяжестью орденов, он направился к его палатке и закричал грубым голосом:

— Эй, заговорщик, отопри!

Думая, что Тур-Боб пронюхал про их заговор, Бегунок схватил со стены старинный пистолет и выпалил в эту движущуюся грудку крестов и медалей. К счастью, пистолет был очень старый, с кривым дулом. Пуля только сбила с притворщика шлем, что и разоблачило его.

— Это... это...— ещё больше испугался Горох; ему даже дурно стало.— Это ты?..

— Я, я, а кто же ещё!— распахнул объятия Жёлудь.— Всё вышло гораздо лучше, чем мы с тобой предполагали. Набоб пехотинцев уже сидит в темнице!

— Это прекрасно! Теперь прикажи трубачам трубить конец войны, чтобы мы могли вместе с солдатами весело и без помех вернуться домой.

— А всадники? Надо и для них что-нибудь придумать, — сказал Жёлудь и снова сел что-то писать. На этот раз у него получилось гораздо лучше. После долгих мук творчества он прочёл Гороху такое воззвание:

Да сгинут мрак,
Разбой и злоба!
Долой вояк!
Долой набоба!

— Чудесно! — запрыгал Горох. — Восхитительно!

Отпечатав несколько тысяч воззваний, друзья принесли их к батарее тяжёлых орудий, набили листовками несколько десятков самых больших снарядов и велели выстрелить в небо. Когда

снаряды начали разрываться, на поле брани посыпались тучи листовок. Солдаты читали воззвание, радостно подбрасывали вверх шапки.

Как только прозвучали первые звуки трубы, пехотинцы побросали оружие и через пять минут разбежались кто куда. Вокруг не осталось ни одного солдата. Увидев это, стали понемногу расходиться и всадники. Они ещё не верили трубачам и думали, что это очередной манёвр противника. В самый разгар суматохи и проснулся их повелитель.

— Почему отступаем?— вскричал он.— Где мои брюки? Где мой меч? Мои ордена?!

Услыхав грозный голос командира, всадники стали ещё сильнее нахлёстывать кузнечиков и отступать по всему фронту.

Ничего не понимая, Тур-Боб завернулся в одеяло, вскочил на неосёдланного коня и страшными воплями и руганью кое-как остановил беглецов:

— Ни с места! Либо вы сейчас же найдёте мои штаны, либо я вас, трусы, в порошок сотру! Я вам покажу, где раки зимуют! Я из вас кашу сварю!

Войско, выстроившись, ждало, что будет дальше. День клонился к закату, а Боб-набоб, завернутый в одеяло, метался как призрак по полю и всё угрожал:

— Я вас расстреляю! Я из вас масло выжму! Я вас, как ягоды, на былинку нанижу!

Чем больше неистовствовал повелитель всадников, тем меньше верили ему солдаты.

— А где твои погоны? — спросил вдруг кто-то из всадников.

— Это вы скажите— где? Трусы, негодяи, сони! — буйствовал Тур-Боб.

— Это, наверное, какой-то шпион,— решили солдаты и тут же схватили взбешённого командира за шиворот.

— Я ваш повелитель! Я ваш господин!

— Очень хорошо, сейчас мы это проверим, — сказали солдаты и велели своему бывшему начальнику оседлать коня.

Тот даже не знал, с чего начать. Тогда кавалеристы дали ему меч и велели наточить. Набоб принялся так яростно крутить

точило, что меч оказался весь в зазубринах, точно пила. Третьего задания ему уже не дали. Солдаты содрали с Тур-Боб-набоба одеяло и увидели, что перед ними даже и не Боб, а выродок какой-то.

— Сжальтесь, — умолял он. — Я больше никогда не буду воевать!

Солдаты стали размышлять. А тем временем над их головами разорвалось несколько снарядов, пущенных Жёлудем и Горохом, и посыпался дождь листовок.

— Долой вояк! Долой набоба! — вскричали всадники. От их мощного крика даже земля заколыхалась под ногами.

Не медля больше ни минуты, солдаты подвели голого Тур-Боба к самой большой пушке, заложили в неё сто напёрстков пороха из чёртова табака, посадили своего бывшего главнокомандующего в полый снаряд и выстрелили в сторону Луны. Впервые солдаты от всего сердца прокричали троекратное "ура!". И, счастливые, с песнями отправились домой.

— Айда к пехотинцам! — предложил кто-то. — Вместе по домам разойдёмся.

Загремела, задрожала земля под копытами коней, тысячи голосов распевали весёлую песню, десятки тысяч ног лихо отплясывали весёлый танец. Услыхав этот шум, Жёлудь и Горох вышли навстречу приближающимся всадникам.

— Да здравствует мир! — закричал Жёлудь.

— Ура всадникам! — подхватил Горох.

Но не успели они опомниться, как всадники спешили, связали их и погнали к той самой пушке, из которой только что отправили на Луну Тур-Боба.

— Друзья, за что? — бил себя в грудь Жёлудь.

— Долой подлых вояк! — кричали всадники, продолжая своё дело.

Только тут несчастные друзья спохватились: ведь Жёлудь по-прежнему был весь увешан знаками отличия Тур-Боб-набоба и на голове у него красовался шлем из синего чебреца.

— Мы не виноваты, мы только пошутили. Это мы с Горохом написали воззвание к вам!.. — ещё пытался что-то доказывать Жёлудь.

Всё было напрасно.

На сей раз солдаты заложили в орудийное дуло две сотни напёрстков пороха, затолкали приятелей в полый снаряд и подожгли фитиль.

— Какая неблагодарность! — стонал Жёлудь. — Ведь мы с Горохом хотели им только добра!..
Страшный грохот заглушил его причитания, и снаряд взлетел к небесам.

ПО СЛЕДАМ ФАСОЛЬКИ

К счастью, всадники, видимо, погорячились и набили в пушку гораздо больше пороха, чем требовалось. Конечно же, ствол не выдержал такой перегрузки и раскололся пополам. Поэтому и снаряд не умчался на Луну, а отскочил от первого плившего над землёй облака и повернул обратно.

— Теперь конец! — схватился за голову Жёлудь.

Снаряд плюхнулся в какое-то болото, подскочил, ещё раз плюхнулся и врезался в берег.

Очнувшись, приятели стали выглядывать в щели треснувшего снаряда. Вот когдагодились им ордена и медали Тур-Боб-набоба. Выбрав несколько крестов покрупнее, они стали долбить твёрдую как камень оболочку бамбукового снаряда. И чем шире становилось отверстие, тем больше неистовствовал Жёлудь:

— Я им покажу! Я им не прощу!

Работали день, работали два. Вот прошла уже половина третьего дня, а приятели ещё маковой росинки во рту не держали. Сын Дуба окончательно выбился из сил, а Бегунок молчал и всё долбил и долбил.

— Ты что молчишь? — не выдержал Жёлудь.

— Я ведь не разгуливал в мундире набоба, чтобы ни с того ни с сего ругаться на чём свет стоит, — отрезал Горох и снова занялся своим делом, не обращая внимания на Жёлудя.

— Дай мне пощёчину — только не молчи, — не отставал тот.

— Ох, если бы это могло, — вздохнул его зеленощёкий товарищ.

Когда отверстие стало достаточно широким, Горох первым вылез наружу и с трудом вытащил Жёлудя из тесного снаряда, чуть не ставшего для них могилой.

Выбравшись наружу, друзья увидели, что застряли в мшистой кочке, а вокруг раскинулось непроходимое заболоченное озеро.

— Ну, кому ты будешь мстить? — спросил Горох у Жёлудя.

Пряатель пристыжённо опустил голову.

— Видишь, как нам пришлось поплатиться за твою неосторожность? — словно наждачной бумагой продолжал Бегунок счищать со своего приятеля ржавчину чванства и бахвальства. — Договорились, как люди, а ты, едва переоделся Тур-Бобом, тут же и голову потерял.

— Я не мог иначе.

Горох нашёл несколько оброненных птицами сухих ягодок и подал Жёлудю:

— Жуй! Может, пока будешь есть, помолчишь. Эх ты, всех бобовых господин!

Жёлудь замолк и стал потихоньку строить планы, как им выбраться с этой противной кочки, торчащей посреди болота.

— Вот так нам отплатили за добро, — снова вздохнул он.

И тут Горох не выдержал:

— Замолчи! А кто мы с тобой такие? Кому мы сделали добро? Фасолька нам жизнь спасла, а как мы её отблагодарили? Стали друзьями набоба пехотинцев, осматривали его подземелья, побрякушками любовались, а она, бедняжка, тем временем томила в темнице! Нам ещё мало досталось за такие «заслуги». Не умеем мы с тобой ценить истинную дружбу.

На сей раз Жёлудь не нашёлся что ответить. Так и сидели два друга на маленькой кочке и ничего не могли придумать. Прошло ещё несколько дней. Кончились ягоды. Сын Дуба всё что-то писал в своей тетради, а Горошек болтал ногами и плевал в воду. Вдруг он схватил товарища за руку:

— Ты ничего не видишь?

— Кто-то трепыхается, запутавшись в водорослях!

Жёлудь отложил свою писанину, быстро снял берет и, нырнув в воду, увидел Карасика, который попал в беду.

— Братец, там сколько хочешь добычи, целая гора рыбьего мяса! — вынырнув, крикнул он товарищу. — Раздевайся, поможешь мне этого Караса на кочку вытащить.

— И не подумаю, — ответил Бегунок. — Я не привык кому-нибудь делать добро только для того, чтобы съесть его потом.

Жёлудь ничего не ответил и, нырнув ещё раз, кое-как помог бедняге выпутаться. Карасик выплыл на поверхность, шлёпнул хвостом по воде и, высунув голову, поблагодарил:

— Спасибо!

— Одним спасибо не отделаешься, — сказал Горох. — Лучше помоги нам выбраться из этого болота.

— С удовольствием, — согласился Карасик, — но вы не можете находиться под водой, а я — над водой.

И снова расстроились друзья. Вдруг Горох вскочил и стукнул себя по лбу.

— Свей две верёвки из мха, — сказал он Жёлудю. — А ты, Карасик, пригони мне несколько кусочков камыша.

Целый день Жёлудь вил верёвки, а Бегунок, заострив одну из побрякушек набоба, прикрепил её к удобному черенку и вытесал из камыша водяные лыжи. Когда всё было готово, они

подали концы верёвок Карасю, а за вторые концы ухватились сами.

— Ну, тяни! — воскликнул Жёлудь. — Теперь и тебе и нам можно двигаться.

И друзья помчались так, что только вода взметалась по сторонам. Жёлудю чрезвычайно понравилось путешествие, и он тут же стал строить новые планы:

— Послушай, Горох, а если мы таким способом— фьють!— и через океан?

— А Фасолька?— напомнил ему Бегунок и, резко повернув, обогнул плавающую ветку. Жёлудь замешкался, и ему пришлось прыгать через препятствие. Но он запутался и плюхнулся в воду. Карасик остановился.

— Что случилось? — спросил он.

— Ничего! Только чернила чуть пожиже стали, — рассмеялся Жёлудь и снова ухватился за верёвку.

На закате Карась доставил их к берегу и попрощался:

— Счастливого пути!

— Спасибо!— крикнули ему друзья.

— Это вам спасибо. Когда вы меня спасали, то ничего не требовали взамен!

Он плеснул хвостом и исчез.

Друзья повалились прямо на траву. Усталые и счастливые, они беспробудно проспали ночь, а наутро встали, умылись и зашагали на поиски Бобового царства.

— Не такие уж мы благодетели, — вздохнул Жёлудь.

— Это ты мне? — спросил его Горох.

— Нет, Карасику, — ответил сын Дуба и ускорил шаг.

Через несколько дней им стали попадаться на пути небольшие отряды пехотинцев и всадников,двигающиеся домой с войны. Поначалу друзья их избегали, но, заметив, что те без оглядки несутся кто куда, не выдержали и остановили нескольких:

— Чего вы так спешите?

— И вы бы спешили! Кто-то выпустил из подземелья пехотного Тур-Боб-набоба, и он заново собирает войско для похода на Луну. Набоб командует теперь и пехотинцами и всадниками. Поворачивайте назад, если не хотите попасть в его руки!

Однако друзья не трусили. Они попросили у беглецов двух коней-кузнечиков, несколько ружей и мечей, решив во что бы то ни стало освободить Фасольку. Почистили оружие, запаслись провиантом и стали седлать коней.

— Что же ты задом наперёд седло кладёшь, профессор? — усмехнулся Горох.

— А откуда ты знаешь, в какую сторону я поеду? — отрезал Жёлудь и продолжал делать по-своему.

Но кузнечик, видно, почуял неопытного всадника и так лягнул Жёлудя, что тот подскочил выше травы,

— Ну и упрям же ты! — рассмеялся Горох. — Как Орех Лесной.

Жёлудь даже побледнел от обиды при этих словах.

— Как ты смеешь меня!..

— ...доктора писанины, хвастунины, чванины и прочих никчёмных наук называть упрямцем? — закончил за него Бегунок. — У меня от всех твоих титулов голова кругом идёт.

— Нет! — воскликнул Жёлудь. — Я хотел сказать: как ты смеешь меня, своего друга, высмеивать?

— Это, братец, уже другое дело. Ну не сердись. Давай руку. — Они ударили по рукам и помирились. — Ничего не подделаешь: я деревенщина, мне и седлать и запрягать приходилось больше, чем любому доктору наук. Так что этому у меня можно поучиться. Ну, вперёд! — крикнул он и помчался, не успев пригладить свой весёлый вихор.

Но друзья скакали недолго. С небольшого пригорка им открылся огромный палаточный город. Там бухали барабаны, гремели духовые оркестры и тысячи пехотинцев маршировали, задирая ноги выше головы и распевая сочинённую Жёлудем песню:

Чернощёкий
Тур-набоб,
В красных точках
Медный лоб.
Всех врагов
Загонит в гроб
Пучеглазый
Боб-набоб!

— Видишь, сколько ты «добра» сделал,— съязвил Горох и показал на всадников, которые на всём скаку рубили лозу и протыкали копьями чучела.

За ними, поднимая пыль, ползли улитки. На них восседали танкисты-фаСОлы и кричали громче всех:

— На Луну! На Луну! Да здравствует несравненный Тур-Боб-набоб — господин всех планет!

Они ещё не участвовали ни в одном бою и поэтому больше всех хотели воевать.

— Нечего нам средь бела дня лезть в это осиное гнездо,— сказал осторожный Горошек.

Но и ночью, прокравшись в военный лагерь, друзья увидели ту же картину. Взобравшись на бочку с порохом, освещённый тысячами факелов, уже успев нацепить несколько десятков новых орденов за сидение в подземелье, Тур-Боб- набоб держал речь:

— Солдаты, вас ждут кресты и медали! Где вы их заслужите? Только в бою! Выше головы, храбрецы! На Луне я вам обещаю золотые горы. Если бы там было плохо, то мой тёзка уже давно бы вернулся домой. Да здравствует союз пехотинцев и всадников!

Куда бы ни пошли друзья, куда бы ни глянули — всюду было одно и то же: старики урезонивали, старики плакали, старики рассказывали всякие ужасы о войне, а молодёжь только смеялась и шутила:

— Ничего вы не понимаете. За печкой сидя, мы крестов не заслужим. Да здравствует Тур-Боб- набоб!

Только поздно ночью закончились крики и факельные шествия. Палаточный город ненадолго затих. Воспользовавшись этим, друзья подкрались к палатке набоба и увидели, что его охраняет двойное кольцо стражи. В палатке горел свет. На мягком ковре сидели несколько тернучек и беседовали с Тур-Боб-набобом:

— Я вам ещё раз говорю: и этого доктора, и поэта мои brave всадники посадили в снаряд и выстрелили против ветра. Скажите Шишаку, что их нет в живых.

— О-о, вы их не знаете,— объясняли тернучки,— это опасные преступники. Они и с Луны могут вернуться. Подумать только — они так запрятали ключ, что её светлость Шишка по

сей день разгуливает прикованной к его сиятельству Шишаку!

— Это очень печально,— согласился набоб,— но вы не сидели в подвале и поэтому ничего не знаете. Всего доброго.

— Этого негодяя ни за что нельзя было выпускать оттуда,— прошептал Жёлудь Гороху,— он бы так и скончался в норе.

Друзья тихо отползли в сторону и повернули назад. Они без слов поняли друг друга: плетью обуха не перешибешь — вдвоём против такой силы не больно-то повоюешь.

Блуждая по лагерю, Горох и Жёлудь подошли к старому кротовому ходу. Здесь день и ночь шли восстановительные работы, так как после восстания от военных мастерских остались лишь жалкие развалины. Несколько самых упорных учёных ещё пускали здесь мыльные пузыри и старались прицепить к ним корзины, а творцы таинственного аппарата чертили пальцами на песке и спорили: можно очистить варёную картофелину без помощи машины или нельзя?

Эти мудрецы и поведали нашим друзьям, что перед самым восстанием Боб-набоб отправил всех пленников как дань в столицу Кривдина государства.

Жёлудь и Горошек выбрали самую широкую, самую утоптанную дорогу и поскакали во весь опор.

Звёзды бледнели. Предутренний холодок пробегал по коже. От зевоты раздирало рот. Жёлудь уже не чувствовал ног в стремях. А Горошек сидел как железный. Он всё время без устали скакал впереди.

— Ещё час — и я не выдержу, — стонал Жёлудь. — И откуда у него столько упорства?

Вдруг конь Горошка остановился как вкопанный, и Бегунок, взмахнув руками, полетел вниз головой. Раздался плеск воды, и слабый голос друга позвал на помощь. Жёлудь выскочил из седла, подбежал к отвесной круче и немедленно бросился вслед за товарищем в бурные воды реки. Вынырнув, он огляделся. Горох преспокойно лежал на воде и не тонул. Вода свободно удерживала и Жёлудя.

— Хотя я плаваю как топор, но в такой реке мог бы купаться и свинец! — отдувался Бегунок. Несколько капель воды по-

пало ему в рот.— Ой, ой, ой, какая солёная! — стал отплёвываться новоявленный пловец.

— Солёная,— сморщившись, согласился Жёлудь.— Соль нас и выталкивает! Только я не могу понять, откуда она взялась тут? Моря нигде поблизости не видно. Странно!..

Поплавав и освежившись, друзья вышли на берег.

— Что будем делать дальше? — спросил Горох.

— Поедем вдоль берега вверх по течению и рано или поздно кого-нибудь найдём.

Взошло солнце. Чем дальше скакали путники, тем бурливее становилась речка. Исчезли прибрежные деревья, кусты и, наконец, трава. Только изредка там и сям горько плакали одинокие кукушкины слёзки.

Ещё немного— и друзья очутились в какой-то пустыне. Насколько хватал глаз, везде блестели под солнцем пласты белой соли. Белели высохшие деревья и кусты, поблёскивала крупными солью трава, всё скрипело, хрустело от малейшего прикосновения. Ужас охватил приятелей. Они невольно остановились.

— Вернёмся!..— попытился Горох.

«...нё-ом-ся...а...а!..»— на все лады откликнулось эхо.

— А кого ты найдёшь, вернувшись? Тут соль, там Тур-Боб, а за ним Шишак... Эх, семь бед— один ответ!— махнул рукой сын Дуба.— Думаешь, Фасольке легче было? Вперёд!

Они проехали ещё немного, и речка скрылась в большой пещере, черневшей у подножия горы. Вся гора была обнесена высоким частоколом. Друзья осмотрелись и погнали коней к белым, покрытым слоем соли воротам. В воротах им встретился горько плачущий солёный Огурец.

— Какое несчастье, в этом городе все меня ненавидят только за то, что я зелёный!..

По другую сторону ворот сидел маринованный помидор и ревел ещё громче:

— А я красный, у-гу-гу! Словно какой-нибудь бурак весь красный, у-гу-гу!

— А тебя в этом городе ненавидят, наверное, за то, что ты красный?

— Нет, я плачу от радости, что все меня очень любят!

— Чудаки какие-то... — пожал плечами Жёлудь.

По малейшему поводу, из-за каждой мелочи любой житель этого города тут же распускал нюни. Они так привыкли плакать, что и по ночам, если им что-нибудь снилось, обливали постель слезами. Поэтому во всех домах были устроены желоба; по ним слезы стекали в канавы, канавы сливались в ручьи, а ручьи текли в речку, которая по трубам отводилась за город и называлась Слезина. Плаксы давно бы уже захлебнулись в своих собственных слезах, если бы не эти устройства.

— Да это не город, а фабрика солёной воды! — возмутился Горох.

— А разве мы с тобой никогда не льём из глаз солёную воду? — подмигнул ему Жёлудь.

— В самом деле, как плохо, что человек не видит себя, когда плачет! — воскликнул покрасневший Горох. — Если бы каждому плаксе сунуть под нос зеркало, то, увидев себя во всей красе, он немедленно замолк бы от стыда. Мне кажется, что зеркало — самое лучшее лекарство для тех, у кого глаза на мокром месте.

— Для таких плакс я даже сочинил песенку, — сообщил Жёлудь приятелю и во весь голос затянул:

Сразу вода
Поднимется в Ниле,
Если захнычут
В нём крокодилы.
А если в море
Без берегов
Плакать начнёт
Семейка китов,
Море
Из синего
Станет
Зелёным,
Станет море
Ужасно солёным.
Не от селёдки,
Как говорят,
От плакс
Солёными
Стали моря!..

Приятели распелись и не заметили, как к ним подошли два затянутых в мундиры блюстителя порядка — Лук и Чеснок.

— На каком основании вы поёте в этом городе?

— Просто у нас хорошее настроение, — ответил Жёлудь.

— Этого мало. В нашем городе на каждую улыбку требуется особое разрешение. Слезайте с коней. Вы арестованы.

— За одну только песню? — удивился Горох.

— Даже за один куплет! — отрезал Чеснок.

Жёлудь повертел в руках заряженное ружьё, попробовал большим пальцем лезвие меча и лишь потом обратился к блюстителям порядка:

— И что вы нам сделаете, когда арестуете?

— Мы заставим вас выслушать самую печальную историю этого города.

— И всё? Мы охотно выслушаем её и без ареста.

— Нет, мы обязаны вас арестовать, ибо ещё ни один чужеземец не выслушал эту историю по-хорошему.

— Странно!.. — Друзья переглянулись, пожали плечами и слезли с коней.

Возле большого дома, очень похожего на опрокинутую бочку, висела огромная доска. На ней была надпись:

ГОСПОДИН ХРЕН,
СТАРШИНА ВЕСЕЛИНСКОГО УЕЗДА,
ШУТЕЙНОЙ ГУБЕРНИИ
КРИВДИНА ГОСУДАРСТВА

— Что же это за Веселинский уезд, — не мог надивиться Горошек, — если всё население утопает в слезах?

— Поживём — увидим, — ответил Жёлудь и, привязав коня, первым шагнул к дому.

ВОЗДЕРЖАННАЯ КАРТОФЕЛИНА

В сопровождении Чеснока и Лука друзья спустились по крутым каменным ступеням в какое-то затхлое подземелье и нерешительно остановились перед тяжёлой, большой, как ворота, железной дверью, на которой было написано:

*Научно-исторический музей
г. Веселинска*

Блюстители порядка постучали в эту дверь, а когда она распахнулась, втолкнули друзей внутрь и снова заперли на все запоры.

В большом подвале мерцало несколько жировых плашек. На стенах можно было с трудом различить картины, фотографии и чертежи. За небольшим столиком сидело какое-то существо и разглядывало вошедших в лупу.

— В этой норе нам и ружья, пожалуй, не помогут,— омотревшись, решил Жёлудь.— Эй, чего выпучила глаза? Или путешественников никогда не видела?

К ним приблизилась старая сморщенная Картофелина. От вечного полумрака у неё выросли редкие белые усы, глаза ввалились, глубокие морщины избороздили впалые щёки, однако держалась она степенно, хотя беспрестанно трясла головой.

— За что вас тут заточили? — сочувственно спросил Гошошек.

— Вы невежа! Я свободная гражданка и живу здесь по собственному желанию.

— Очень приятно,— усмехнулся Жёлудь. — А нас поче-

му-то силой пригнали. Словом, выкладывай эту самую грустную историю города, и мы не будем тебе мешать.

— Простите, а с какой ноги вы сегодня встали?

— Разве это имеет значение?

— Для науки всё имеет значение! От этого факта зависит ваше настроение на весь день.

— Этой ночью мы не слезали с седла.

— Жаль,— промямила Картофелина.— А когда вы въехали в город, вам никто не перебежал дорогу?

— Мы не суеверны.

— Неважно,— отрезала Картофелина.— Эти приметы помогают каждому живому существу избежать несчастья.

Горох взглянул на Жёлудя, приложил палец ко лбу и повертел им.

— А сегодня не понедельник, не тринадцатое число? — продолжала выпытывать Картофелина.

— Нет, сегодня пятница и двадцать шестое.

— Прекрасно! Тогда попрошу вас плюнуть через левое

плечо три раза. Вот так. И семь раз через правое. Всё. Да, чуть не забыла: ещё очертите по кругу.

Пожимая плечами, приятели выполнили всё, что им было велено.

— Теперь выверните карманы и скажите: хвала петуху!

— А почему не курице?

— Всё испортили. Придётся начать сначала. Петух — самый главный враг всех призраков.

Тут уж друзья не выдержали.

— Послушай, Картофелина, перестань издеваться над нами. Ты знаешь, чем плюётся эта штучка? — Жёлудь сунул ей под нос дуло ружья.

— В прошлом месяце мне приснилась крыса. Это было не к добру, — посетовала Картофелина.

— Теперь я понимаю, почему каждого чужестранца сюда затаскивают силой и запирают на девять запоров, — сказал Жёлудь и выпалил из ружья в потолок.

Картофелина присела, заткнув уши, а потом робко спросила:

— Каким пальцем вы нажали курок?

— Указательным. А это тоже имеет какое-либо значение?

— А как же? Если б вы нажали большим, то к радости, а безымянным — к несчастью...

— Горох, прицелься-ка в неё и нажми на курок большим пальцем: посмотрим, долго ли после этого она ещё будет радоваться!

— Несчастлиная, моё терпение вот-вот иссякнет! Не будь самоубийцей! — не выдержал и Горох. — Скажи, что ты тут делаешь и что тебе от нас нужно?

— Мне ничего не нужно. Я поселилась в этом подземелье для того, чтобы избежать подстерегающих меня несчастий. Вот уже двадцать лет, как мне никто больше не перебегает дорогу, я никого не встречаю с пустыми вёдрами, на меня не смотрит полный месяц... Двадцать лет, как я не разберусь, когда понедельник и когда тринадцатое число. И вот уже две недели, как я борюсь с дурными снами и не ложусь спать. Это будет последний удар по всяким неудачам!

— Ну, а удача бывает у тебя когда-нибудь?

— Зачем это мне нужно? Удача и неудача всегда ходят вместе: только впусти одну, как другая без спроса влезет.

— Тебя не переспоришь. Выкладывай свою историю, и мы пойдём дальше.

— Сейчас. У вас сегодня ни левый, ни правый глаз не чесался? А нос? Тоже нет. Не икали? Переступая через порог, не запнулись? И вороньего карканья не слышали?

— Горох, стреляй! — потеряв терпение, воскликнул Жёлудь.

— Ладно уж, ладно. Начинаю рассказывать. Вот на этой стене вы видите смеющегося Арбуза. Много лет назад этот благодюшный гражданин был нашим старшиной. Он очень любил смеяться. Бывало, только покажешь ему палец, он тут же начинает хохотать, словно его щекочут. А не дай Хрен, если, бывало, проглотит смешинку!.. Три дня подряд обливается слезами от смеха.

Подражая своему начальству, этим нездоровым смехом заразились все помидоры и огурцы. Только мы, картофелины, единственные среди этих глупых смехачей, сдержанно улыбались. За воздержанность городские жители избрали меня помощником старосты.

В один весёлый день над городом пролетал ворон и ни разу не каркнул. Я немедленно обратила внимание Арбуза на этот знак беды, однако он не сделал соответствующих выводов и начал смеяться над моими словами. Он смеялся, смеялся и досмеялся до того, что у него лопнул живот.

Узнав об этом, стали смеяться все окрестные жители. Они с хохотом отправили на тот свет своего прекрасного начальника. Держась за животики, проводили его на кладбище, обливаясь слезами от смеха, зарыли в могилу и, умирая от хохота, поставили памятник. Но памятник этот получился кривобоким и очень смешным. Так что и после похорон жители никак не могли успокоиться. Словом, с того дня никто ничего не делал, не платил податей, а только смеялся, смеялся и смеялся. Над городом нависла страшная угроза голода и разрухи.

Доктора ломали головы, как им справиться с этой болезнью, но так ничего путного и не могли придумать. Для начала

попробовали закрыть полотнищем памятник Арбузу. Потом поставили на каждом углу пушки, чтобы нагнать страху на жителей, и приказали всем замолчать, а непослушным в принудительном порядке зашивали рты. Но и это не помогало: жители продолжали смеяться про себя и по-прежнему болели смехоманией.

В это время проезжала по нашей губернии королева Кривдина государства Великая Мы. Подъехав к нашему городу — вот вы видите на картине её карету, она остановилась у ворот в ожидании, что кто-нибудь выйдет ей навстречу. Однако никто не появлялся. Вокруг царила смертельная тишина. Все граждане молча покатывались со смеху.

— Что за траур? Снять эту тряпку с памятника! — возмутилась королева.

Сорвали полотнище. На кривом пьедестале стоял глиняный Арбуз, точь-в-точь живой: полные слез глаза сощурились, на носу целуются две бородавки, а сам, схватившись руками за живот, так и трясётся весь, так и прыгает от неукротимого смеха. Внизу, у ног, надпись:

Смейтесь громко,
Смейтесь часто,
Смех
Великое лекарство!

Королева не выдержала, улыбнулась до ушей и прыснула. Услыхав это, все как захохочут, как затрясутся от смеха! Великая Мы решила, что подданные смеются над ней, ужасно разгневалась и пригрозила:

— Ну погодите, я вас ещё не так насмешу!

Через несколько дней она назначила старшиной нашего города Хрена. А тот на каждом углу развесил собственное изображение, изображения своей супруги Горчицы и заместителей Чеснока и Лука. Всё пропитали они своим запахом. И попробуйте, мои милые, не рыдать теперь! Глаза сами наливаются слезами. А если и найдётся такой смельчак, который осмелится улыбнуться, то Чеснок с Луком так протрут ему глаза, что он будет плакать, как на похоронах.

В результате этих преобразований все жители в мгновение ока перестали смеяться. Однако Хрену этого было мало. Он согнал всех жителей уезда и велел им высаживать вдоль дорог королевский цветок— кукушкины слёзки. Посадили. Как только цветы прижились, они тут же начали лить слезы. Все дороги раскисли, как от дождя, стали солёными. Высохли деревья, трава пожухла, а со временем всё побелело, покрылось солью. Помидоры и огурцы засолились от собственных слез. Вот к чему привело появление ворона!

— Ерунда! От такой болезни можно излечить в два счёта, — махнул рукой Жёлудь.— Прогоните Хрена со всей его свитой, выкопайте кукушкины слёзки — и конец!

— Что вы! Этого ни в коем случае нельзя делать! Тут же все снова начнут хохотать.

— И пускай смеются на здоровье.

— А кто будет работать, кто будет подати платить?

— А много ли они работают, проливая слезы? — возразил Горошек.

— Пока плачут, они ещё побаиваются Хрена, а когда смеются, хоть из пушек стреляй: никого не боятся. К тому же на солёного легче давить, чем на свежего.

— Ничего не понимаю! — возмутился Горох.— И смеяться плохо, и плакать нехорошо. Так что же делать, если мне смешно или что-нибудь болит?

— Прежде всего надо оглядеться, нравится ли твой плач или смех старосте, а тогда уже смеяться или плакать. Моя цель— воздержанность. Я двадцать лет не плачу и не смеюсь и уже две недели не вижу дурных снов.

— Ничего, ещё недельку пободришься и протянешь ноги, тогда уж действительно никто тебе не перебежит дорогу,— утешил воздержанную Картофелину Жёлудь.— А мы с приятелем всё-таки поспим, пускай нам даже приснится ещё пара таких старых картофелин. Тут прохладно и комары не кусают.

Друзья отгородились от заскорузлой Картофелины соломой и стали укладываться, но суеверная старуха снова подняла их:

— Что же вы легли головами к двери? Это очень дурная примета. А вы подумали, что скажет Хрен?

— Слушай, Картофелина, это ружьё заряжено зубом чёрного кота, которого чёрный ворон притащил тёмной ночью. Берегись, потому что на этот раз я нажму курок безымянным пальцем!

Картофелина умолкла. Она склонилась над какой-то книгой, дабы выяснить, что означают все эти приметы. А приятели так сладко уснули, что и во сне улыбались друг другу.

РЕДИС-ОБОРОТЕНЬ

На другой день с самого утра друзей разбудил визгливый голос. По всему подземелью, размахивая кулаками, бегал краснощёкий Редис и на чём свет стоит ругал Картофелину:

— Суеверная дура! Шелуха картофельная! Почему ты решила этим грязным чужеземцам дрыхнуть в святая святых нашего города?! Это — кощунство!

Тут он увидел проснувшихся друзей, подбежал, согнулся в поклоне, улыбнулся, выпрямился, словно аршин проглотил, ещё раз поклонился и, протянув к ним руки, стал извиняться:

— Прошу прощения, произошло недоразумение! Знаете, бюститители порядка... Им бы только схватить, а кого — не смотрят. Такие — дай им волю! — и самого Хрена под арест посадят. Ещё раз прошу великодушно извинить нас. Будем знакомы: собрат по перу, корреспондент местной газеты «Смех Сквозь Слезы» Редис.

— Здравствуй, если не шутишь, — ответил Горох. — Только никто нас сюда не гнал: путешественники везде в первую очередь знакомятся с музеями.

— Да, музей у нас прекрасный, но вот заведующая Картофелина такая нудная, что не приведи господь.

— Почему? — возразил Бегунок. — Она очень интересно рассказывала. И ещё показала нам занятные картинки.

— Да, наша Картофелина хоть куда, но музей — не дай бог!

Жёлудь встал, потянулся, не обращая внимания на Редиса,

а потом, взвешивая каждое слово, громко сказал приятелю:

— Он, наверное, пришёл арестовать нас, чтобы познакомиться с превесёленьким будущим Веселинска.

Редис согнулся в три погибели и ударился лбом об пол.

— И да и нет,— ответил он.— Я получил приказ вывести вас из этого затхлого погреба, который первая противница ковтов нашего города Картофелина столь торжественно именует музеем.

— Вам не удастся заставить меня ни плакать, ни смеяться! — гордо отрезала Картофелина.

Поев и отдохнув, путешественники вышли осмотреть город. Вокруг всё белело, как зимой. Названий улиц не было видно, но Редис знал их наизусть.

— Это улица Рыданий, это Взахлёбный переулок,— объяснял он. — Это аллея Тихого ужаса, это большой Проспект грусти, а там Набережная слез...

При встрече с горожанами Редис чихал, морщился, тёр глаза, но слезы почему-то не бежали у него из глаз. Он не был помят, как другие, и отличался завидным румянцем. Такой круглый, такой красивый, словно только что снятая с ёлки новогодняя игрушка. Жёлудь не выдержал и спросил его:

— Послушай, приятель, ведь ты румяный и, стало быть, все тебя здесь очень любят — так что же ты не плачешь?

— В самом деле, почему ты не плачешь? — заинтересовался и Бегунок.

— Милый друг,— ответил ему Редис,— когда-то я плакал больше всех и выплакал все слезы.— И тут же, нагнувшись к Жёлудю, шепнул ему на ухо:— Как собрату по перу скажу: я плачу только тогда, когда мне не платят.

— А как было при Арбузе? — спросил Жёлудь.

— Действительно, как же было при Арбузе? — повторил Горох.

— Тогда я написал в своей газете, что первым высмеял весь смех, — ответил Редис Жёлудю и тут же прошептал Гороху: — Какой смысл смеяться, если за это не платят?

— А теперь? — в один голос спросили друзья.

— Теперь я смеюсь сквозь слезы — таков принцип нашей газеты, грустной по содержанию и смешной по форме.

— Послушай, Горох, а что, если мы с тобой во имя будущего намнѐм бока этому оборотню, а? Как ты думаешь? — не выдержал Горох.

— Это клевета! — возмутился Редис. — Какой же я оборотень? Разве я в кого-нибудь обернулся? В этом проклятом городе достаточно вывернуть пиджак. Видите? — И он показал белую подкладку. — Когда она сверху — я сразу белею, а когда ещё и подкладку выверну наизнанку, то даже самый зоркий глаз не отличит, кто зеленей: огурец или я!

— Я его сейчас вздую! — взорвался Горох.

— За что? Разве в вашей стране за это бьют? О, какой чудесный берет! Наши провинциалы всё ещё ходят в шляпах. Может быть, продадите?

Друзья переглянулись.

— И чернильница у вас забавная. И чернила красные — сразу видно, заграничные, — вздохнул Редис. — Может, поменяемся?

Тут оба путешественника, не сговариваясь, схватили негодя за шиворот и стали его дубасить.

— Братцы, сжальтесь! — умолял оборотень. — Мне велено привести вас к самому старшине...

Некоторое время все трое шли молча. Однако на площади Святой Тыквы, где несколько десятков сморщенных помидоров и огурцов копошились у полуразрушенного памятника Арбузу, Редис снова стал тараторить как заведѐнный:

— Это — моё предложение! Вот как делаются слезы сквозь смех: мы поставим на старый пьедестал лохань, отобьѐм у смеющегося Арбуза ноги, чтобы казалось, будто он сидит в ней, перекрасим, подведѐм к его весѐлым глазам водопровод, и получится плачущая Тыква.

— Послушай, что общего у Арбуза с Тыквой? — ничего не мог понять Горох.

— Можно сказать, они родные брат и сестра, — объяснил довольный Редис. — Когда пришла мода на слезы, то Тыквахватила через край точно также, как и Арбуз: расплакавшись, она забыла прочистить жѐлоб у себя в квартире и захлебнулась в собственных слезах. Горожане, рыдая, схоронили эту мужественную женщину рядом с братом, причислили её к лику святых,

а теперь, плача, заканчивают сооружать ей памятник. И, надо полагать, они ещё долго будут лить слезы, ибо памятник, как видите, вышел кособокий и очень печальный.

Осмотрев город, друзья снова подошли к дворцу Хрена. На сей раз блюстители порядка повели их по каменным ступеням вверх. Пройдя мимо множества часовых, вооружённых сечками и тямками, друзья попали в большой зал. В конце зала сидел Хрен и совещался со своей женой Горчицей. Вокруг них сутились Лук и Чеснок. Обсуждались новые планы выжимания слез.

— Почему не явилась Картофелина? — скрипучим голосом спросил Хрен.

— Эта несчастная только теперь сосчитала, что в её подвал ведут тринадцать ступенек, а потому и не осмелилась сделать ни одного шага.

Вдруг Жёлудь почувствовал, что его глаза наполнились слезами. По щекам Горошка уже текли струйки. Потом оба, как по уговору, зевнули, набрали в лёгкие воздуха и чихнули тринадцать раз.

— Спасибо, что уважили наш обычай, — сказал Хрен. — Что вам надобно?

— Мы ищем нашу подругу Фасольку, — объяснил Жёлудь. — Её через эти места должны были гнать в полон.

— Вы, как видно, добрые люди, если у вас есть друзья, — ответил Хрен. — Сегодня на открытие памятника Тыкве соберётся весь город. Там мы и спросим о вашей Фасольке.

Кое-как уняв струящиеся слезы и начихавшись на здоровье, друзья направились к площади Святой Тыквы. Здесь на развалинах памятника весёлому Арбузу стоял уже новый монумент. Зрелище было воистину прискорбное: на чёрном неровном камне стояло разбитое корыто. В нём восседал перекрашенный Арбуз с отбитыми ножками, а из глаз у него били фонтаны слез. Струйки лились через край корыта, сочились сквозь щели и ручейками стекали в речку Слезину.

Спустя полчаса площадь была битком набита помидорами, огурцами, картофелинами, редьками и редисками. Все шмыгали носами, у всех глаза были красные, точно у кроликов, все чихали и откашливались. Едва на помосте показался Хрен со своей свитой, как тут же разразились всеобщие рыдания.

— Почтенные граждане города Веселинска, двое чужеземцев просят нашей помощи,— начал Хрен. — Пускай они сами скажут, что им нужно.

Горошек взобрался на возвышение, отвернулся от свиты Хрена и тут же перестал плакать.

— Братцы, наша подруга Фасолька попала в неволю...

— В неволю? Ой-ой, в неволю!.. — со всех сторон послышались стоны.

Горошек обождал, пока все успокоятся, и продолжал:

— Ей грозит страшная опасность. Может быть, вы видели или слышали что-нибудь об этой бедняжке?

— Уй-юй, какая бедняжка! — поднялся ужасный плач.

Слезы текли ручьями, канавы переполнились, река Слезина вышла из берегов. От горячих слез город окутался густым солёным туманом, который ещё больше щипал глаза.

Все плакали, причитали, но никто и не думал посоветовать Горошку, где искать Фасольку.

Тогда на помост вскочил Жёлудь и выпалил:

— Перестаньте распускать нюни, у вас глаза сгниют!

— Ой-ой, сгниют! — в один голос взревела вся площадь.

Жёлудь продолжал:

— Если вы не хотите быть хлюпиками и плаксами, то сейчас же отвернитесь от Хрена и его свиты, не глазейте на них, не дышите одним воздухом с ними словом, гоните их в три шеи со своей земли, и вы мгновенно перестанете плакать!

Плаксы послушались и отвернулись от Хрена. Выдумка Жёлудя им понравилась, и они принялись громко смеяться. Разразились хохотом все — от мала до велика.

— Ха-ха-ха! Вдвоём одну Фасольку не найдут!

— Хи-хи-хи! Пускай они у нашего Редиса помощи попросят!

— О-го-го! Они хотят, чтобы мы задали перцу самому Хрену. Вот шуты гороховые!

Жёлудь смутился. Он не знал, что и делать.

— Что вы ржёте, будто вас щекочут?! Я серьёзно говорю: отвернитесь от Хрена, не плачьте, но и не смейтесь над людской бедой!

Не успел Жёлудь договорить это, как тут же все жители города заревели в три ручья.

— Что вы плачете, что ревёте? — едва удерживал раздражение Жёлудь. — Вспомните, каким весёлым был староста Арбуз!

И снова горожане все, как один, залились смехом. Но тут старый Хрен опомнился и стал кричать:

— Взять этих подстрекателей! В тюрьму их!

— Не смотрите на него, а то снова будете плакать, — призывал Жёлудь.

— Смотрите на меня! — приказывал Хрен.

— Гоните его взашей! — вызывал Жёлудь.

И так всё время: то хи-хи-хи, то ой-ой-ой, то ха-ха-ха, то у-гу-гу.

Жёлудь никак не мог договориться. Едва горожане отвернутся от Хрена, тут же хватаются за животы от смеха; только посмотрят на своего главного слезовика, тут же начинают плакать. Они ворочали головами туда-сюда, пока не вывихнули себе шеи.

А Редис пытался одновременно и смеяться, и плакать, и зеленеть от злости, как Хрен. От чрезмерных стараний лицо у него перекошилось, из одного глаза струились слезы, а другой блестел и смеялся, рот свело судорогой, и язык был прикушен.

Видя это, одни смеялись, другие плакали, а третьи от злости скрипели зубами. Поднялся такой гвалт, что хоть уши затыкай.

Насмотревшись на них, Жёлудь махнул рукой, и друзья пошли к своим коням.

Они сели в сёдла и стрелой помчались по гладкому солончаку, ни разу даже не обернувшись. Горошек, правда, хотел ещё что-то спросить у Жёлудя, но тот лишь тяжело вздохнул и сказал:

— Эх, братец, ни слезами, ни смехом дураков не вылечишь.

ГОРОД ЗАДРАННЫХ НОСОВ

Целых полдня друзья без отдыха гнали коней, пока не уткнулись в какую-то высокую стену. Жёлудь направил кузнечика вдоль этой стены, Горошек поскакал сзади. Вскоре приятели подъехали к странным воротам. Сверху они были утыканы колючками шиповника, среди этих колючек торчали сосновые иглы, а между этими иглами выглядывали ещё шипы репейника. Ни перелезть, ни перепрыгнуть — наткнёшься.

На воротах висела надпись:

ВЕЛИКОЕ Я

— Что бы это могло означать? — удивился Горошек.

— Видно, так чудно называется этот город, — ответил Жёлудь.

Спрятавшись в кустах, друзья наблюдали, как через каждые полчаса со страшным скрипом открывались ворота и вооружённые мыши загоняли в них огромные толпы ячменя, овса, пшеницы и других свободных жителей.

Подкравшись поближе, они увидели, что низ ворот совсем разрушен — камни вывалились, и все, кому не лень, лазают сквозь огромные щели, хотя в воротах несут стражу двое мышей с кремнёвыми бердышами на соломенных древках.

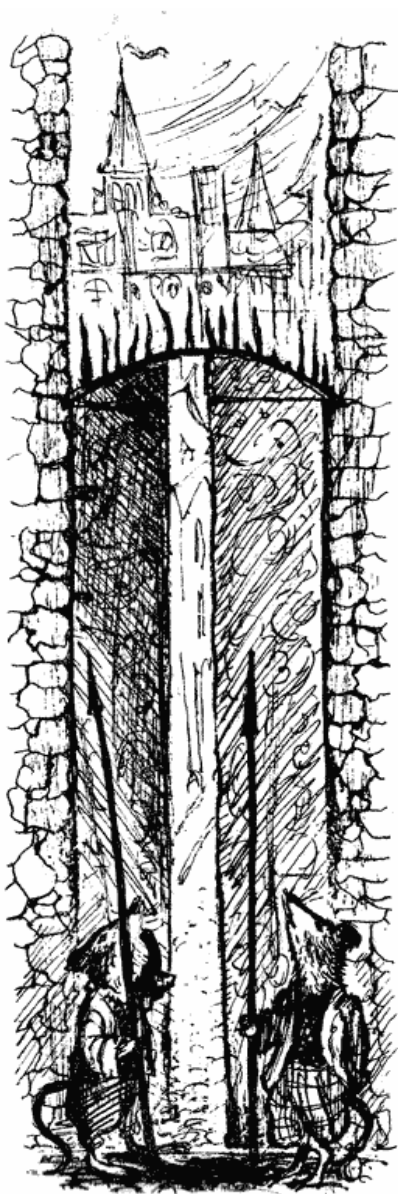
Приятели подошли ещё ближе и сразу всё поняли. Оба часовых, задрав головы, что-то высматривали вверх и вовсе не обращали внимания на то, что творилось у них под ногами. Носы задраны, глаза уставились в небо, сами часовые ходят, не чуя земли под ногами, и говорят друг другу:

— Как, никто не перелез через ограду столицы Кривдина государства, о храбрый Кусака?

— Никто, о смелый Грызун.

Разошлись, потом повернулись и снова встретились:

— Как, никто не улизнул из нашего великого города, о славный Суслик?

— Никто. Даже комар не пролетел, о благородный Сурок.

Они расхаживали, именуя друг друга пышными титулами, и вовсе не замечали, что у них под ногами в город и из города проникают все желающие.

Спрятав коней в ближайшей рощице, друзья подошли к воротам.

— Идём, — подтолкнул Жёлудь замедлившего шаг Гороха.

— Я очень боюсь мышей, — упирался тот.

— И я боюсь, но надо спасти Фасольку. Ведь мы прибыли в самую столицу Кривдина государства, и кто его знает, что могут сделать здесь с беззащитной пленницей?!

Друзья шмыгнули в дыру, оставшуюся от выбитого кирпича, и никто на них не обратил внимания. Идут Жёлудь с Горохом по улицам города и удивляются: мостовые загажены, тротуары завалены мусором, зато крыши домов так и сверкают.

Все жители ходят, задрав головы, выгнув шеи, и ужасно воображают. Никто не зовётся собственным именем, нет ни одного простолюдина: все тут прекраснейшие, все умнейшие, все храбрейшие и отважнейшие, однако никто не желает смотреть под ноги — по какой мостовой они ходят, на какой земле живут.

Жёлудь проголодался. Смотрит, на площади Скромности надпись над одной из дверей:

ЗОЛОТАЯ СТОЛОВАЯ

— Это слишком дорого для нас, — сказал он Гороху.

Пошли дальше. На площади Милосердия увидели ещё одну столовую. На её дверях висела надпись, что она бриллиантовая.

— И это не для нас, — сказал Горох.

Искали, искали, да так и не нашли обыкновенной столовой. Вернулись к первой и постучались. Кто-то пискнул под ногами:

— Что вы делаете?

— Стучимся.

— Напрасно трудитесь, — сказал работяга Муравей, тащивший какую-то кроху. — В этом городе надо почаще смотреть себе под ноги.

Друзья посмотрели: оказывается, посетители «Золотой столовой» попадали в неё через дырявый фундамент. Вошли внутрь. Навстречу шибануло таким запахом, что и у них сразу носы кверху задрались. Очевидно, здесь уже много лет никто не брал в руки веника: как бросили когда-то кость или корку, так и по сей день валяется. Всё заплесневело, засохло...

За столом сидели жители Великого Я и, не глядя в свои тарелки, хвастались наперебой.

— Я ем мясо угря, пойманного на дне глубочайшего моря, — оповестила Мышь. — Он прожил там девятьсот девяносто девять лет и девять дней, прежде чем попал на моё перламутровое блюдо.

— А я ем крылышко райской птицы, — похвалялся какой-то странный зверёк, похожий не то на мышь, не то на крысу. — Хвост этой птицы длиной в девять локтей и весь из чистого золота.

Жёлудь с Горохом переглянулись и только пожали плечами: перламутровое блюдо было просто черепком от глиняного горшка, а на райском крылышке даже тысячу лет назад вряд ли была хоть крошка мяса.

За стойкой сидел вконец опустившийся хозяин Мышак. Ноги он не мыл отродясь, брюки на нём были такие, что и собаке не прокусить, фартук заскорузлый от грязи, только галстук и шапочка белее снега.

— Если я съем здесь хоть кусочек, меня вырвет, — скривился Горошек.

— И меня, — ответил Жёлудь.

И друзья, зажав носы, выскочили наружу.

— Бежим отсюда! — крикнул Горошек.

Они бродили голодные по улицам города и удивлялись: всё здесь делается не так, как говорится и пишется. Под вечер их задержали часовые.

— Кто идёт? — считая звёзды в небе, громко спросил старший.

Друзья не знали, что сказать, однако часовые заговорили сами:

— Если вы чужеземцы, мы вас убьём. В городе по тротуарам дозволено гулять только жителям Великого Я, а все остальные, под страхом смертной казни, обязаны ходить по мостовой.

— Мы храбрые львы! — важно заявил Жёлудь.

Часовые стукнули бердышами о землю и пошли дальше, так и не посмотрев, с кем они говорят.

— Послушай, неужели и я когда-то был хвастуном? — спросил вдруг сын Дуба у своего друга.

— Не помню, — опустил голову Горошек. — Но этим задавакам я бы тоже не сказал правды.

— Мне кажется, что с такими обманщиками мы могли бы справиться и без вранья, — пожал плечами Жёлудь.

— Да что ты! В этой стране, если говорить только правду, никто не поверит! — возразил Горошек.

Приятели спорили, спорили и решили впредь: если придётся говорить неправду — держать в кармане кукиш. Тогда не считается, что врешь.

Целую неделю друзья ходили по городу, обошли сотни домов, но так ничего толком и не узнали о Фасольке. Все божились-клялись, что видели её, разговаривали с ней, однако это была явная ложь.

После недели напрасных блужданий приятели стали умнее: что бы ни советовали им горожане, они делали всё наоборот.

Но и это не помогало. Потеряв всякую надежду, они подошли к площади Щедрости, посредине которой высился гигантский памятный камень, а на нём огромный висячий замок. Он, по-видимому, символизировал невероятную щедрость жителей Великого Я, ибо высеченные на камне буквы гласили:

«Всем,
Кто просил
И не мог получить,
Камень,
Чтоб
Собственный лоб
Разбить!»

На столбах вокруг памятника висели привязанные вместо ламп светлячки.

— И вы ещё светите этим скупердьям? — возмутился Горох.

— А что же делать, если тебя привязали? — грустно ответил старый Светляк. — Неволья — не сахар.

Горох взобрался на столб и перерезал державшие бедняков верёвки. Жёлудь последовал его примеру. Спустя несколько минут двенадцать благодарных светлячков весело махали крыльшками над их головами.

— Может, вам что-нибудь известно о Фасольке? — спросили путешественники.

— Была здесь такая: кто-то из наших светляков видел её на улице Трудолюбия.

И снова приятели блуждали по запутанным переулкам города. На одном из углов они остановились как вкопанные, услышав какое-то посапывание, храп, свист... Поперёк улицы висели надписи: «Тихо!», «Бодрствуем!», «Внимание, бессонница!».

— Что бы это могло означать? — нахмурился Бегунок.

— Раз и навсегда научись всё в этом городе понимать наоборот. Разве ты не видишь, что это переулок засонь? — рассмеялся Жёлудь, осматривая доску почёта, на которой красовался портрет какого-то сурка, умудрившегося проспять двадцать пять часов в сутки.

Жёлудю стало совсем невмоготу. Он схватил кусочек мела и стал исправлять названия улиц, а на улице Трудолюбия под портретом какого-то лодыря, который прославился тем, что не двинулся с места, даже когда слон наступил ему на хвост, сын Дуба написал:

Если камень камнем лежит,
Под камень лежащий вода не бежит!

И так они вносили исправления, пока их не начала разыскивать городская стража. Заметая следы, приятели очутились на какой-то площади и увидели, что навстречу им бредёт Ячмень. Он с трудом перебирался через горы мусора и всю дорогу плакал.

— Что случилось? — спросил его Горошек.

— Приехал я в этот город пиво продавать. Здешние негодники всё выхлебали и заплатили мне листьями ольхи, уверяя, что это золотые монеты. А когда я не поверил мошенникам, они избили меня и сказали: «Ты солгал Великому Я!»

— Это не Великое Я, а большой город задранных носов и спеси, — утешил его Жёлудь.

— Тсс! Не говори так громко — попадёшь в беду. Хоть все и ходят здесь, задрав носы, но слух у них отличный. Тут и стены имеют уши.

Только прошли они ещё несколько шагов, смотрят, посреди дороги, размахивая кулаками, шагает Ржаной Колос и вслух возмущается:

— Когда ели мой хлеб, говорили, что ему место у стола Великой Мы – королевы Кривдина государства, а когда пришло время платить, сунули пригоршню гравия: дескать, мы тебе драгоценными камнями платим!

— погоди, погоди, Расскажи нам, в чём дело? — заговорил с ним Жёлудь.

— Чтoб им сгореть! Город жуликов! — горячился Ржаной Колос. — Бедняга Овёс пытался правду найти, так теперь на площади Правосудия собираются отрубить ему голову. Друзья поспешили на указанную площадь, а там бог весть что творится! Груды мусора выросли уже до самых окон. Посреди грязной площади установлена большущая колода, а на колоде стоит важная крыса с острой алебардой в руках. Две мыши тащат к этой колоде Овса, а тот причитает:

— Забирайте всё, только в живых оставьте...

Площадь была до отказа набита жителями Великого Я. Всем хотелось принять участие в судилище.

— Свидетель Хомяк, достойнейший и правдивейший житель нашего города, Расскажи нам всю правду! — повелел судья Барсук.

— Пока я жевал, о справедливейший из справедливых судей, мне было очень вкусно. Моё сердце замирало от восторга, о будущий Хорь, я думал, что вкушаю невиданные заморские яства. А когда всё было съедено, этот жалкий Овсюг, этот ничтожный сорняк говорит: «Плати за хлопья». Мне даже дурно стало, когда я услышал, чем он меня накормил. Он подло обманул меня!

— Обвиняемый Овёс, величайший лжец из лжецов, скажи, зачем ты это сделал? — спросил Барсук.

— Я говорил правду и когда продавал, и когда просил плату. Разве у Овса можно получить что-нибудь другое? Я ведь только хлопья и умею делать.

Площадь всколыхнулась, загомонила. Все кричали, требовали обезглавить Овса.

— Ложь! — сказал судья. — Ты оскорбляешь жителей нашего города. Даже последний нищий столицы Кривдина государства не станет есть хлопья. Чем же заплатил ему ты, Хомяк?

— Я дал ему три волоса из моего хвоста. Это чрезвычайная драгоценность: от них стало светло вокруг. А он отказался их брать и назвал... вонючей щетиной!

Возмущению толпы не было границ. Дело Овса двигалось к печальному исходу. Его правдивые слова не производили впечатления на толпу жуликов.

— Он врёт! — пытался ещё доказывать свою правоту Овёс. — Смотрите, это самая обыкновенная щетина! — И он по-

казал судье три волоса из хвоста Хомяка.

Барсук взял их, повертел в руках и сказал:

— Светятся.

— Они дороже золота и серебра уже только потому, что принадлежат жителю Великого Я, — подтвердили собравшиеся грызуны.

— Пускай они будут даже бриллиантовыми, но я продавал всего-навсего хлопья, — сделал Овёс последнюю жалкую попытку оправдаться.

Барсук пожевал несколько хлопьев, закатил очи и сказал:

— Это какое-то необыкновенное блюдо. Вкусом оно напоминает мёд, а запахом — розу. Отрубить голову обманщику!

Жёлудь не выдержал такой несправедливости и во всё горло закричал:

— Овёс правду говорит! Это вы первые на свете обманщики. Посмотрите себе под ноги, хвастуны несчастные! Какова страна, такова и столица. Это не Великое Я, а город задранных носов и спеси!

Судья вскочил и, почернев от злобы, закричал:

— Кто, кто произнёс это ужасное слово, которое начинается с буквы «С»?! — Он смотрел на летящих в небе ворон и ничего не видел.

— Я, Горох! — Бегунок принял на себя вину Жёлудя и, взобравшись повыше, продолжал: — Только безмозглые задаваки могут так бахвалиться!

Крыса, долго не мешкая, поставила Овса на колени и взмахнула алебардой. Однако Жёлудь тоже не дремал: он вскинул ружьё и, почти не целясь, выстрелил в древко этого большого топора. Алебарда выпала у палача из рук, а Жёлудь крикнул обомлевшей от страха жертве:

— Беги, Овёс! Они боятся глянуть себе под ноги, поэтому ничего не видят!

Овёс повернулся и юркнул в какой-то заваленный мусором переулочек. Опешивший Барсук схватил колокольчик и обеими руками стал трясти его над головой. Когда все замолчали, судья зачитал приказ о введении военного положения:

— «Именем королевы Великой Мы всем жителям Великого Я: ввиду чрезвычайных обстоятельств, сложившихся в ре

зультате проникновения в нашу среду чужеземцев, повелеваю горожанам смотреть себе под ноги и схватить этих гнусных проходимцев Гороха и Жёлудя, которые осмелились произнести страшное слово, начинающееся с буквы «С»...

Друзья не стали ждать, пока судья закончит, и пустились бежать к городским воротам. Однако им преградил дорогу усиленный отряд городской стражи. Друзья бросились в другую сторону, но и здесь были мыши. Тогда они шмыгнули в первый попавшийся дом и забаррикадировали дверь.

— Видно, на этот раз мы попались,— вздохнул Горох, глядя в замочную скважину.— Их набилось уже полон двор.

— Это мы ещё посмотрим,— ответил Жёлудь и несколько раз выстрелил в преследователей через скважину.— Зато Овса спасли!

— А Фасолька? Как же она?

— И её не забудем. Смотри, отступили, подлые!

По узкому коридору друзья выбежали во двор и зажмурились от яркого солнца. А когда открыли глаза, то увидели посреди двора каменный колодец. К этому колодцу была прикована Фасолька! Она, как автомат, беспрестанно черпала воду и выливала её в мраморный бассейн.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ФАСОЛЬКИ

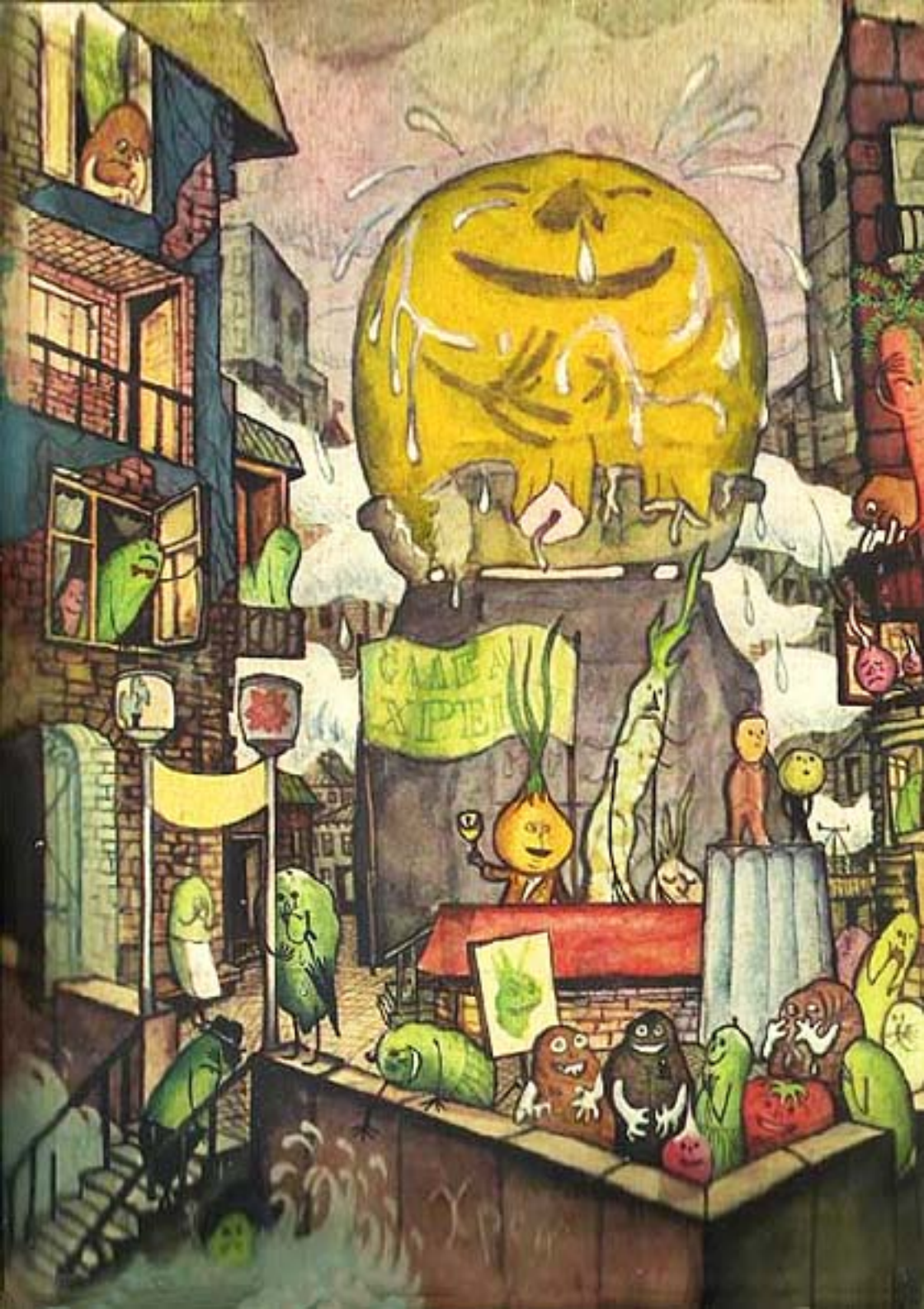
При виде друзей бедняжка побледнела, выронила из рук ведро и прислонилась к срубам колодца. Горох стремглав бросился к Фасольке, чтобы поддержать её.

— Я уж думала, вы забыли меня,— сказала она.

— Мы не забыли,— обнял её Жёлудь.— Только у нас всяких забот было по горло, и своих и чужих!

А Горошек так разволновался, что совсем не мог говорить. Он только гладил руку Фасольки, мычал и вдруг ни с того ни с сего сказал:

— Смотри, моя рана, которую ты лечила, уже совсем зажила, остался только малюсенький шрам на лбу...

Фасолька улыбнулась и спросила у Жёлудя:

— А вы по-прежнему пишете стихи и сотрудничаете в газетах всего мира?

Горох сделался тёмно-зелёным от стыда, а Жёлудь отвернулся и буркнул:

— Чего не бывает в жизни...— И тут же добавил:— Поспешим— каждое мгновение грызуны могут выломать дверь!

— За нами гонятся?— испугалась Фасолька. — Днём мы никуда не убежим. Надо во что бы то ни стало дожидаться ночи. Вы не представляете себе, сколько в этом городе негодяев и предателей!

— Но мы не можем ждать ни минуты!

— Я вас спрячу. Этот дом, бассейн и сад принадлежат коменданту города Хорю. Поэтому здесь вас никто не посмеет искать.

Фасолька спрятала друзей под бочку, а сама стала по-прежнему черпать воду.

Когда дверь с грохотом слетела с петель, мыши ворвались во двор и кинулись к Фасольке:

— Где эти заговорщики?

— Они перемахнули через забор сада, только я их и видела.

— Врёшь! Ты их спрятала!

— Я же прикована к колодцу.

— Что верно, то верно, — согласились мыши и полезли друг за другом через забор.

Смеркалось. В городе стало темно, как в кармане скряги: двенадцать освобождённых светлячков постарались за день, чтобы в Великом Я не осталось ни одного привязанного к столбу светлячка.

В полночь Фасолька выпустила друзей из-под бочки. После того как её оковы были разбиты, все трое прокрались в глубь сада.

— Я ничего не вижу,— шаря в темноте руками и спотыкаясь, жаловался Горох. — Хотя бы свечку какую-нибудь зажечь.

— Что ты говоришь!— одёрнула его Фасолька.— Даже и не думай. Двор полон мышей. Спускайся-ка сюда, в подземелье, тут вас кое-кто весь день дожидается.

Жёлудь нащупал какие-то ступени под ногами и стал осторожно спускаться. Горох зашпешил, оступись и, опрокинув товарища, кубарем скатился вниз. Неожиданно блеснул яркий свет. В нише каменной стены стоял Светляк; вынув из-под крыла фонарь, он посветил друзьям.

— Здравствуй,— сказал ему Горох, ощупывая ушибленные места.— Как ты сюда попал?

— Я узнал, что вас преследуют, и подумал, что ночью вам непременно понадобится моя помощь.

Ни минуты не медля, беглецы поспешили дальше. Во главе цепочки, крепко сжав ружьё, шагал Жёлудь, а Горошек хромал позади всех и тащил за собой тяжёлые грабли, которыми заглаживал следы, остававшиеся на мягкой земле.

Вдруг Жёлудь нерешительно остановился. Подземный ход разветвлялся в обе стороны.

— Я ещё днём всё осмотрел,— объяснил Светляк.— Слева — ход во дворец, а справа — за городскую стену.

Друзья присели посоветоваться. Все считали, что надо как можно скорее бежать из ужасной столицы Кривдина государства. Только Жёлудь был против:

— Мы должны воспользоваться случаем и разузнать их планы.

— Если будем соваться куда не следует, мы снова влипнем,— не соглашался Горох.

— Тогда вы посидите, а я пойду один.

Но оставаться никто не захотел. Друзья повернули влево, взобрались по ступеням и, с трудом отворив окованную железом дверь, очутились в спальне Хоря. Выход из подземелья был как раз возле широкой постели коменданта.

Вдруг они заметили, что в соседней комнате мерцает тусклый свет. Светляк спрятал свой фонарь под крыло и замер. Немного переждав, Жёлудь тихонечко подкрался к двери и, встав на цыпочки, заглянул в замочную скважину. Его прошиб холодный пот: за столом сидели Хорь, Ласка, Барсук и Крыса. Они о чём-то разговаривали.

— Надо во что бы то ни стало поймать их,— заговорил Барсук.— За одно лишь слово, которое начинается на букву «С», мало снять с них головы!

— Их надо по меньшей мере четвертовать,— поддержала Ласка. — Вот почитайте жалобу Шишака, рапорт Хрена, сообщение тайного советника Бобового царства, и вы увидите, какие это страшные преступники и бунтовщики.

— Я просто ума не приложу, как они могли проникнуть в наш город?— буркнул Хорь.

— Ваше высочество, когда часовые опустили носы, они увидели в фундаменте городской стены дыры.

— Вздор! Никто не может ни подлезть под наши стены, ни перелезть через них. Их наверняка сбросили вражеские самолёты.

— Какая блестящая мысль!— подхватила Ласка.— Просто и гениально. Что вы, милостивый Лев, думаете об этих двух чужеземцах?

Хорь долго думал: сперва молча, потом бормоча что-то себе под нос— и наконец изрёк:

— Кто такой Жёлудь? Я думаю, что не курица.

— Совершенно справедливо! Ура! Вы ещё не раскрыли рта, а я уже знала, что вы произнесёте бессмертную истину, о храбрый Лев,— так и юлила Ласка, хвостом сметая с Хоря пушинку.

— Я призвал на помощь сыщика Репья и шпика Чертополоха,— сказал Барсук.

— Позвать их сюда! — приказал Хорь.

В комнату вошли два всклокоченных типа. По бокам у Чертополоха висели два крючка, а на теле Репья — сто два колючих шарика.

— Стоит мне к кому-нибудь прицепиться, тот всю жизнь от меня не избавится, — заявил Репейник.— Я мог бы ухватиться даже за хвост Льва.

— А я цеплялся за шкуру Медведя,— стал похвастаться Чертополох,— и знаю, что у него есть жена Медведица.

— Эти не годятся,— решил Хорь.— Тут необходим такой шпион, чтоб они сами к нему прилипли.

— Тогда надо пригласить Че...

Жёлудю не удалось дослушать до конца. Горох, которому надоело ждать, оттолкнул его от замочной скважины:

— Думаешь, только ты один хочешь всё знать?

— Да ведь они советуются, как нас поймать!

— Кто — они?

— Комендант Хорь, начальник стражи Ласка, судья Барсук и палач Крыса.

— Тогда... тогда уж ты сам смотри,— испугался Горох; у него даже хохолок стал дыбом.

Жёлудь снова прильнул к скважине, но было поздно. Тайный агент вышел и закрыл за собою дверь.

— Ну как?— спросил Барсук у Хоря.

— Этот посерьёзнее. Только один не справится. Надо на каждой дороге поставить по такому тайному агенту. Кроме того, развешать объявления, что за головы беглецов будет уплачено столько золота, сколько они сами весят. Я думаю, поскольку у них нет задранных носов, эти подстрекатели и бунтовщики так или иначе всё равно попадут в наши руки. Совет окончен.

— Я не удержусь, сейчас выстрелю!— Жёлудь прицелился, но Горох схватился за его ружьё:

— Ты не имеешь права рисковать жизнью товарищей!

— Ты прав, — согласился Жёлудь, и все спустились назад в подземелье.

На сей раз друзья совещались гораздо дольше.

— Хорь приказал посадить на каждой дороге по очень тайному агенту,— говорил Жёлудь.

— Ну и чудак же ты!— возразил Горох.— А откуда им знать, как мы поедем? А может, мы куда глаза глядят— прямоком через луга, без всякой дороги помчимся, а?

Все согласились с этим доводом.

— За наши головы обещано много золота, — продолжал Жёлудь.

— Их ещё надо заполучить! — снова возразил Бегунок.

— Без задранных носов нам не выйти из города. Надо что-нибудь придумать.

Все подпёрли головы руками и задумались.

— Ура, придумал! — вдруг вскочил Горох. — Нет, извините, так ничего не выйдет. — Он сел на место и снова задумался.

Через некоторое время Жёлудь спросил у Фасольки:

— А в этом саду есть хоть один Клён?

— Даже два, — ответила она.

— Тогда мы спасены! Ведь из семян Клёна можно сделать такие задранные носы, которым позавидует даже самый отъявленный хвостун этого города.

В сопровождении Фасольки Жёлудь выбрался из подземелья и осторожно подошёл к Клёну.

— Здравствуйте, дядя, — тихо поздоровался он.

— Здравствуй, здравствуй, — простуженно заскрипел старик. — Что тебе от меня надобно?

Жёлудь рассказал ему о всех своих невзгодах и в конце добавил:

— Другого выхода нет.

— Хотя я тебе и не дядя, но выручу в беде — дам несколько семян. Только, когда используете, не выбрасывайте их как мусор, а заройте в землю, чтобы выросли новые деревья.

Сын Дуба собрал пригоршню кленовых «носиков», от души поблагодарил Клёна и попросил:

— Если сядет когда-нибудь на ваши ветви певчая птица, будьте так добры, передайте от меня привет моему отцу, а другу Воробью скажите, что я очень соскучился по дому и, если ему не трудно, пусть он поможет нам выбраться из этой ужасной страны. Я не ради себя прошу... честное слово... Ради друзей! Пусть он постарается.

— Хорошо, братец, хорошо, — проскрипел Клён. — Только не забудь моей просьбы.

Вернувшись с пригоршней семян, Жёлудь начал приклеивать друзьям искусственные носы.

— Ну как? — спросил он у Гороха.

— Я из-за такого громадного носа не могу голову удержать — перетягивает, — пожаловался Бегунок, улёршись «носиком» в стену.

— Привыкай, это тебе не кубарем катиться, — сказал Жёлудь и двинулся во главе цепочки.

Подземный ход заканчивался у восточных ворот города. Друзья выбрались на поверхность, поблагодарили Светляка и смело направились к мышиному караулу.

— Стой! Кто идёт?

— Храбрые львы.

— Да у вас ноги не такие, — усомнился один из часовых, не решаясь оторвать взгляд от земли.

— О храбрые хори, о будущие тигры, — заговорил нараспев Жёлудь. — Вы только поглядите на наши носы. Они не простые, они приставные. Это — новейшее изобретение. Если хотите, я подарю вам по парочке таких носов.

Хотя приказ требовал смотреть под ноги, мышцы не устояли перед этой соблазнительной новинкой и подняли глаза.

— Мы ничего не видим.

— Тогда пощупайте.

Мыши пощупали и тут же загорелись желанием приобрести такие же носы. Друзья налепили им сразу по два, и часовые снова задрали головы, как и до введения военного положения. Беглецы без помех вышли за ворота и поспешили к западной стене. Там, в рощице, они нашли своих кузнециков, оседлали их и двинулись в путь.

СТРАННЫЙ ПОПУТЧИК

К рассвету Фасолька, Горох и Жёлудь были уже далеко от города задранных носов. С каждым шагом друзья всё меньше и меньше думали об опасности, а когда взошло солнце, они даже запели: такое у всех было чудесное настроение. Но вот на одном из поворотов дороги они увидели, что кто-то лежит и стонет.

— Наверное, это ловушка, — сказал Горох.

— Не думаю, — отозвался Жёлудь и, соскочив с коня, крадучись пошёл взглянуть.

Посреди дороги шевелилась облепленная пылью, чуть живая Чечевица. Она была страшно избита, искусана, руки и ноги у неё были связаны.

— Ой, умру! — кричала бедняжка не своим голосом. — Ой, как они избили меня! Я не выдержу!

Жёлудь взял Чечевицу на руки, положил у обочины, обтёр пыль и, отвернув фляжку, влил в рот бедняги глоток воды. Фасолька тут же перевязала её избитые бока, но Чечевица не переставала кричать. Иногда она вскрикивала так громко, что приходилось зажимать уши.

— Перестань орать и скажи, как ты тут очутилась?— спросил Горошек.

— Я бежала... Мыши догнали меня... Избили, связали и бросили посреди дороги. Лучше убейте меня, только не оставляйте здесь!..

Друзья призадумались. Неужели мыши опередили их? К тому же что делать с раненой Чечевицей? Коней только два, а беглецов уже четверо.

— Послушай, Чечевичка, а давно ли здесь были мыши?

— Не помню, они у меня всю память отшибли. Ой-ой-ой!

— Эх, была не была, возьмём тебя с собой, но смотри!..— предупредил Жёлудь.

Сын Дуба посадил Чечевицу на своего коня, а сам, ухватившись за стремя, побежал рядом. Горох последовал его примеру и точно так же катился рядом с Фасолькой. Вскоре Бегунок догнал товарища и показал кусочек бинта.

— Зачем ты мне его показываешь?

— Твоя раненая уже третий раз бросает по такому кусочку. Мне кажется, Чечевица оставляет кому-то знаки.

Услыхав их разговор, Чечевица застонала сильнее прежнего:

— Не спешите, не мчитесь, как будто вас ветер гонит. Меня ужасно трясёт!

— Не нравится мне эта попутчица, — с сомнением прого-

ворил Горошек.— Ты только послушай, как она орёт, будто её режут. Ясно, прикидывается.

— Неужели ты думаешь, что это она сама себя так разукрасила?— возмутился Жёлудь.

— Надо будет следить за ней, может быть, она и есть тот тайный агент.

— Ерунда!— возразил Жёлудь.— Ей больно, вот она и кричит. Сразу видно, что ты родился в Кривдином государстве, — пошутил он над товарищем.— Тебя послушать, так скоро мы друг друга начнём подозревать.

— Ну смотри,— вздохнул Горох.— Предатели выдают не только тех, кто родился в Кривдином государстве.

— Какой ты злой, Горошек,— сказала Фасолька.— Ведь мыши на ней живого места не оставили!..

Бегунок шёл дальше молча, но с Чечевицы не сводил глаз. Около полудня отряд спустился с крутого холма и оказался возле большего озера.

— Заблудились!— не на шутку испугался Жёлудь.— Когда ехали сюда, я его не видел.

При этих словах на холме показалось облако пыли.

— За нами гонятся! — воскликнул Горох.

Жёлудь не медлил. Он отыскал острый камешек, сорвал с головы берет, сложил в него свои письменные принадлежности и бросился в воду. Подплыв к листу кувшинки, он нырнул, срезал стебель и пригнал к берегу готовый плот. Из листа ольхи сделал парус, из аира— рулевое весло и, усадив друзей, оттолкнулся от берега.

Едва успел ветер отнести их на несколько сажений, как на берегу появился отряд мышей.

— Стойте, таков приказ Хоря!

— Остановите нас, если не боитесь захлебнуться,— посмеялся над ними Жёлудь.

— Ну погодите, мы с вами разделаемся!

— Только не забудьте приклеить приставные носы! — не остался в долгу и Горошек.

Мыши подняли страшный шум: они бросались камнями, метали свои алебарды, но ничего не могли сделать — никто из

них не умел плавать и они панически боялись воды. На шум высунулась из норы старая Водяная Крыса. Она работала здесь паромщицей.

— Кто мне спать не даёт? — спросила она.

— Именем коменданта столицы Кривдина государства, от-
важнейшего храбреца и доблестнейшего полководца, будущего
льва львов, приказываю задержать их! — закричал старший над
мышами.

Но пока он перечислял все достоинства и титулы Хоря,
старая паромщица опять заснула. Прежде чем мыши разбудили
её, ветер надул парус и угнал плот чуть ли не на середину озера.

Водяная Крыса догнала беглецов и ухватила за край лис-
та. Она чуть было не опрокинула плот.

— Чего они там орут, почему бросают в воду камни? —
спросила она. — Я совсем плохо слышу — вода в уши натекает.

— И мы не знаем. Спроси у них самих. Только мы слыха-
ли, что Хорь хочет озеро осушить.

— Это я, что ли, буду ему служить?

— Ну да, будешь спине ему натирать.

— Не за что меня запирать!

— А вот возьмут да запрут, — усмехнулись друзья.

— Что же это за прут? — Водяная Крыса в полном недо-
умении пошевелила седыми усами и, по-видимому решив, что с
мышами не стоит связываться, поплыла своей дорогой, а бегле-
цы — своей.

Но вот ветер пригнал плот к берегу. Беглецы пустили ко-
ней пастись, а сами отправились на поиски пищи.

Вскоре они выяснили, что высадились на небольшом ост-
рове, сплошь заросшем травой и кустарником. Один берег ост-
ровка был пологим, а другой — крутым и каменистым.

— Нам здесь долго не продержаться, — зашмыгала носом
Чечевица.

— Можешь вернуться, плот ещё стоит, — разозлился Жё-
лудь и влез на вершину ивы, чтобы осмотреться.

На подёрнувшемся дымкой берегу озера мыши сооружали
плот: валили деревья, тащили их к воде, связывали в кучу.

— Что будем делать? — спустившись, спросил он у Гороха.

— Сражаться,— ответил тот.— Может, тем временем Воробей подспеет, может, Клён подаст какую-нибудь весточку.— Бегунок огляделся и, увидев, что Фасолька не слышит, добавил:— Только ты скажи этому Воробью, что я не просто какой-нибудь Горох. Словом, чтобы он меня не съел.

Друзья набрали кучи камней, веток, сухих трав и сложили баррикаду. Не дремали и мыши. Связав плот, они взобрались на него и, подбадривая себя дикими криками, стали приближаться к острову. Друзья высекли из кремня огонь, подожгли ветви и траву. Дым щипал глаза нападающим, камни сшибали их с брёвен. Ветер переменился, и плот отнесло в сторону. Первая атака была отбита.

Стемнело. Друзья до поздней ночи приводили в порядок укрепления, собирали камни и только под утро сели посоветоваться.

— Надо перегнать плот к скалам и под покровом темноты бежать на другую сторону озера,— решил Желудь.

— Согласен, но ведь ветер переменился и дует в сторону острова,— предупредил товарища Горох.— А кроме того, как Воробей опустится на такой маленький плот? Нет, надо подождать.

Пока они разговаривали, над головами послышалось жужжание и кто-то, осветив их фонарём, опустился на землю.

— Я снова здесь,— сказал Светляк.— Привет вам от Клёна. Он просил пролетающих тут ласточек, чтобы они срочно сообщили о вас Во-

робью. Только дайте условный знак: разложите ночью три костра, а днём выложите три круга из камней.

— А сами ласточки не могли бы помочь? — тихо, очень тихо спросил Жёлудь у Светляка.

— Могли бы, — ответил он, — но они за что-то очень злы на тебя. Говорят, ты когда-то замуровал их и чуть было не умирал голодом.

Светляк улетел, а сын Дуба чуть не плача подумал, что очень нехорошо так долго злиться за какую-то давнишнюю глупую шутку. Но ничего не поделаешь, сам виноват. Разве он мог тогда подумать, что когда-нибудь попадёт в такую переделку?

Уложив товарищей спать, Жёлудь вскочил на плот, схватил весло из аира и, перегнав лист кувшинки к скалистому берегу, поставил его в небольшой бухточке. А сам, карабкаясь по скалам, вернулся назад, устало свалился прямо на землю и крепко заснул, подложив под голову седло.

ИЗМЕНА

Занималось чудесное солнечное утро. Жёлудь сквозь сон прислушивался к доносившейся откуда-то песне и никак не мог проснуться. Песня будила, поднимала его, а усталость и сон клонили голову к жёсткому седлу.

Будь я пчёлкою-пчелой,
Слезы б не лила рекой,
Нас никто не разлучил бы,
Ой, домишко мой родной!

Это пела приятным голосом Фасолька, а Горох подпевал ей негромким баском:

Смог бы ветер обогнать я,
Полетел бы в путь обратный,
Поклонился низко маме,
Обнял крепко милых братьев...

Наконец Жёлудь открыл глаза. Солнце медленно взбиралось к зениту. Жёлудь, почувствовав стыд, вскочил и стал искать, где же его оружие.

«Ох уж этот Горох! — подумал сын Дуба. — Спрятал оружие и распевает как ни в чём не бывало. Вот чудак...» Жёлудь подошёл к Бегунку и сказал:

— Ну хватит шутить, куда ты девал моё ружьё?

— Я не брал его, я сам думал, что это ты моё спрятал.

— Чечевица... — едва шевеля губами, проговорил Жёлудь, и сердце у него сжалось от страшного предчувствия. — Где Чечевица? — вскричал он.

Друзья кинулись искать прибившуюся к ним попутчицу, однако её и след простыл.

Вместе с Чечевицей исчезли оба ружья, мечи, а главное — огниво.

— Какая подлость! Чем мы теперь разведём огонь! Вот гадина!

— А что я говорил?... — подал голос Горох и умолк, вспомнив, что он тоже спал как убитый.

— Из-за нашей глупости и Воробей, чего доброго, в беду попадёт, — сокрушался Жёлудь. — Вдруг он прилетит этой ночью?

— Ну, это ещё ничего не значит: он может прилететь и не только нас спасти, но и разделаться с Чечевицей, — сказала Фасолька.

— Вряд ли, — махнул рукой Горох.

Между тем на берегу мыши снова подняли шум. Они плясали, веселились, кричали, словно заранее празднуя победу. Хорошенько присмотревшись, друзья увидели, что Чечевица, оседлав ветку лозняка, подплывает к берегу. Солдаты Хоря вытащили её из воды и с радостными воплями стали подбрасывать вверх.

— О, изменница! — гневно воскликнул Горошек. — Чуяло моё сердце, что мы выбрали подлую тварь.

Жёлудь опустил голову и ничего не сказал. Он чувствовал себя во всём виноватым: не послушал приятеля, доверился предательнице, а теперь, чего доброго, и сам погибнет и других погубит.

Мыши не медлили ни минуты. Взобравшись на плот, они снова подплыли к острову. Друзья защищались изо всех сил и всё-таки были вынуждены отступить в недоступные скалы. Сюда мыши не осмелились сунуться. Но они выложили из камней три круга, приготовили хворост для трёх костров, и снова началось ликование.

Чечевица была самой маленькой среди них, однако кричала и кривлялась больше всех.

— И как таких земля носит?— удивлялась Фасолька.— Так отплатила нам за доброе отношение!

Жёлудь молчал. Он тоже не мог представить себе, как Чечевица могла за сердечность, любовь и дружбу отплатить такой бесчеловечной ложью и подлостью.

Неотвратимо надвигался вечер.

Друзья сложили три каменных кольца, но они затерялись в тени скал. Замерцали звёзды. А внизу вспыхнули три ярких костра.

— Только бы не прилетел... Только бы не прилетел... — тихо шептали друзья и сбрасывали со скал большущие камни, чтобы погасить костры, однако это ничего не дало.

— Лучше самому погибнуть, чем друга в беду заманить, — вздохнул Жёлудь, со страшными усилиями скатив очередной камень.

В самую полночь послышалось хлопанье крыльев, а затем воинственный голос Воробья:

Чиру-чир
И ча-ча-ча,
Где ты,
Жёлудь,
Отвечай!
Я летаю
Ночь и день,
Не найду тебя
Нигде.
Чик-чирик
И чи-чи-чи,
Где ж ты, Жёлудь,
Не молчи!

Тут же снизу откликнулась Чечевица. Изменница искусно подражала голосу Жёлудя:

Выручай нас,
Воробей!
Опускайся,
Не робей!

— Воробей, это западня! Воробышек, беда! Милый, нас предали! — чуть не плача, кричали на скале друзья, но крылатый друг не понял их и стремглав нырнул вниз.

Не успел он приземлиться, как на него со всех сторон набросились мыши, уцепились за крылья, хвост, ноги. Храбрец не сдавался. Несколько мышей остались без глаз, две свалились замертво, у третьей была свёрнута шея, однако остальные одолели героя. Собрав последние силы, Воробей воскликнул:

Чик-чирик
И чиру-чиру,
Я сражался молодчиной!
Чик-чирик
И чи-чи-чи,
Жёлудь, милый,
Не взыщи!..

Плакал Горошек, плакала Фасолька, плакал Жёлудь. А враги радовались. Самое ужасное было то, что друзья всё видели, всё слышали и ничем не могли помочь товарищу. Их скорбное молчание было прервано отчаянным воплем внизу. Кричала Чечевица:

— Как вы смеете?! Я помогла вам поймать Воробья, я украла для вас оружие этих бунтовщиков!.. Я буду жаловаться Хорю!

— Для того и связываем тебя, чтоб не жаловалась,— смеялись мыши.— Если ты предала тех, на кого сама похожа, то что тебе стоит предать нас?— Они связали ей руки, ноги и бросили у костра.

— Где ваша совесть?— взывала Чечевица.— Где обещанные вами деньги?

— Не бойся, мы не оставим тебя в обиде,— усмехнулись

мыши.— Съедем тебя последней.

Беглецы не жалели Чечевицу. Они знали, что такова судьба всех изменников: их не любят ни враги, ни свои. Другим даже стало чуточку легче, когда и эта предательница получила по заслугам.

На следующее утро стали думать, как бы спуститься к плоту. Горох и Фасолька вызвались свить верёвку из крепкой осоки.

— Не успеем,— сказал Жёлудь.— Смотрите, мыши уже подбираются к нам.

Соединёнными усилиями все трое раскачали несколько обломков скал и сбросили на головы мышей. Грызуны отступили с большими потерями, но с берега к острову подплывали всё новые и новые силы противника.

Жёлудь принялся тщательно обследовать скалу. И вдруг его сердце так и забилося от радости! На одной из плоских скал сохранилась горстка земли, а на ней рос... Одуванчик! Он был уже совсем белый и вот-вот собирался пустить свои семена на парашютиках в далёкое путешествие.

— Миленький, хорошенький,— обратился к нему Жёлудь,— дай нам хотя бы по одному парашюту.

— Пожалуйста,— ответил тот.— Только потом не забудьте засыпать семена землёй.

Друзья взобрались на самую отвесную скалу и приготовились к спуску. Первым прыгнул Жёлудь. Он связал вместе два парашюта и довольно точно опустился на плот. Фасолька приземлилась почти рядом с ним, и только Горошек оказался слишком лёгким: ветер отнёс его немного в сторону, в воду. Сын Дуба не растерялся — втащил друга на плот, поднял парус, и они отчалили.

Спустя полчаса на той же скале показались мыши. Увидев, что произошло, они тоже попытались спуститься на парашютах, но были слишком тяжелы, и несколько самых отчаянных солдат Хоря разбились о скалы.

Не зная, на ком бы выместить злобу, мыши стали избивать Чечевицу.

— Почему ты нас не предупредила? Почему не украла плот? Почему не вырвала Одуванчик?

Чечевица кричала, плакала, но ничего не могла сделать, так как была крепко связана. Наконец мыши схватили её за руки и за ноги, раскачали и бросили на острые скалы. Так не солоно хлебавши они и вернулись в Великое Я.

Беглецы видели, как бесславно погибла Чечевица, но не проронили ни слова. Им было жаль отважного Воробья.

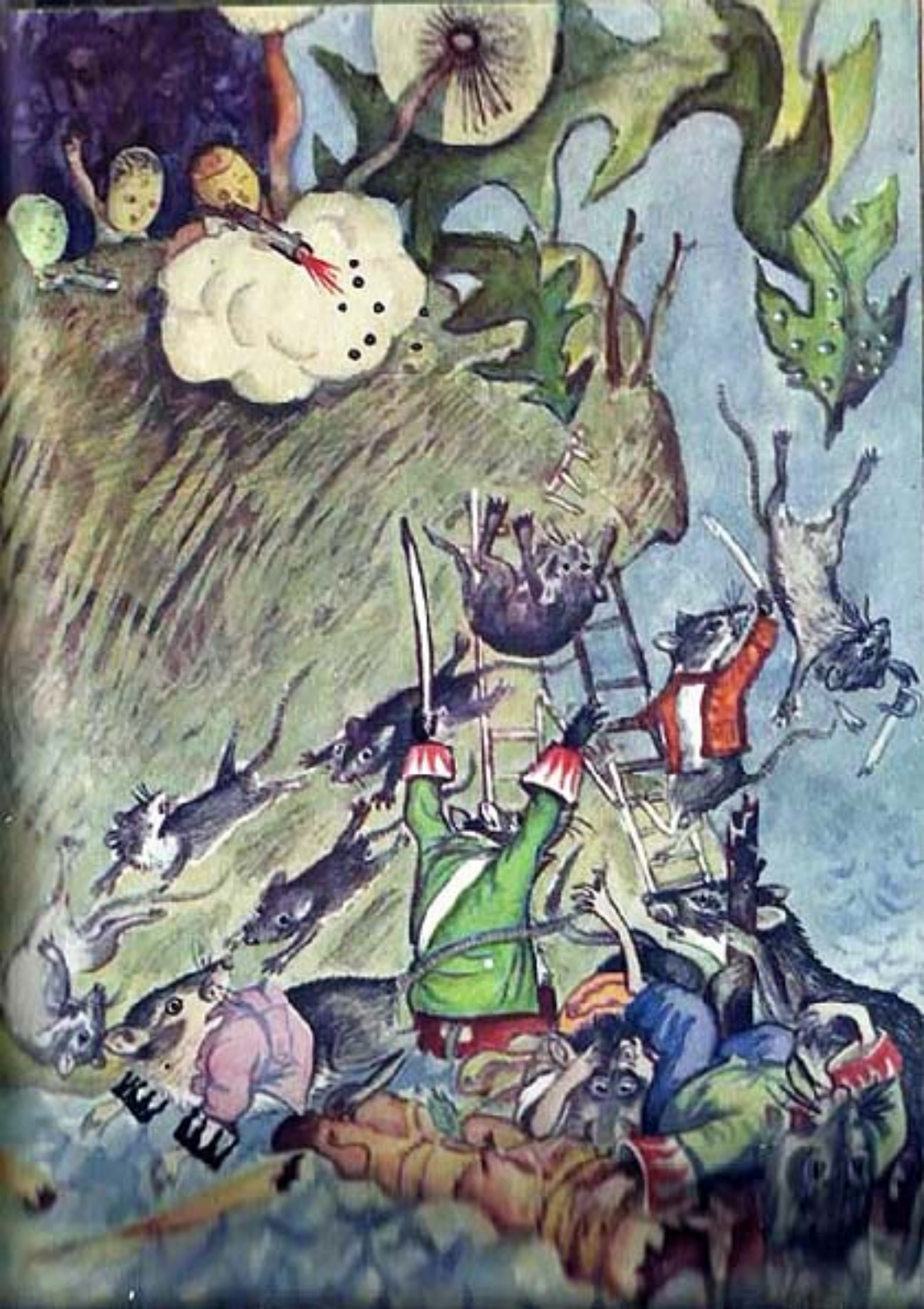
МЕЧТЫ СКРЯГИ

Переправившись через озеро, друзья чуть ли не целый день потратили на то, чтобы изловить на зелёном лугу диких кузнечиков. Необъезженные кузнечики стрекотали, брыкались, кидались из стороны в сторону, однако Горох показал класс верховой езды: он взлетал вверх, переворачивался через голову, оказывался под брюхом у коня, но не отпускал поводья до тех пор, пока одного за другим не укротил норовистых скакунов.

Весь следующий день путники скакали от темна дотемна. Только к ночи кузнечики, почуяв воду, застрекотали и пустились во весь опор.

У прозрачного родника друзья напились, умылись и стали думать, где бы заночевать. Неподалёку стояла какая-то полуразрушенная хибарка. Взяв коней под уздцы, все трое пешком направились к ней.

Глянув на Жёлудя, Горох не выдержал и фыркнул. От долгой скачки на неосёдланном коне ноги приятеля так выгнулись, что Горох мог бы проскочить между ними без всякого труда. Жёлудь же заметил, что ноги его зеленощёкого друга выгнулись ещё больше и теперь между ними свободно может проехать воз сена. Посмеявшись вволю, друзья подошли к хибарке, возле которой плечом к плечу сидели на старой прогнувшейся скамье старик и старуха, оба худые и оборванные. Это были дорожный сторож Полынец и его жена Полынь.

— Здравствуйте,— поздоровались беглецы.— Что вы делаете тут в потёмках?

— Греемся, — ответил Полынец.

— Сегодня ночью такая яркая луна, что мы решили погреться, не растапливая печь, — объяснила Полынь.

Друзья молча привязали коней к дереву. Угрюмый вид стариков не сулил ничего хорошего. На них было жаль смотреть: оборванные, всклокоченные, в сшитой из множества самых разнообразных лоскутов одежде. Но, как видно, решительные лица друзей и хлысты у них в руках действовали на хозяев сильнее, чем любезные просьбы: старики приняли гостей на ночлег.

Что-то бормоча, Полынец и Полынь постелили путникам, но, увидев, что гости миролюбиво бросили хлысты в угол, стали перешёптываться:

— Слушай, старуха, обойдутся они и без подушек, — сказал Полынец.

— И я так думаю,— отозвалась Полынь и сунула подушки в сундук.— И одеял жалко, ни разу не стелены.

— Сними и одеяла, и простыни,— распорядился Полынец.— А я спрячу матрацы. Ведь и они ни разу не были в деле.

Попрятав всё в чулан, они стали у кроватей.

— И кроватей тоже вроде бы жалко, — вздохнула Полынь.

— Да и пола жаль, он ведь деревянный, — согласился с ней Полынец.

Разобрав кровати, они затем разобрали пол и тяжело вздохнули:

— Как жалко, что земля не наша!

— Шут с ними,— выругался усталый Горох.— Ляжем на земле. Хорошо, что хоть крыша над головой есть.

— Тише,— одёрнула его Фасолька.— А то услышат — снимут и крышу, завернут в какое-нибудь тряпье и упрячут в чулан.

А хозяева стояли перед дверью чулана и запирали её на шестнадцатый замок. Только на замки в этом доме не жалели ни времени, ни денег.

Друзья подстелили свои куртки Фасольке, а сами легли на голую землю. Не успели они и глаз сомкнуть, как старики выложили на стол краюху хлеба, горсточку соли, поставили кувшин воды и сели ужинать.

— Как бы не объесться на ночь глядя... — сказал Полынец, забрал половину краюхи, потом половину соли и спрятал всё на полку.

— Да и мне что-то не хочется. — Полынь разделила пополам оставшуюся долю и спрятала половину на полку.

Так они делили, делили, пока на столе ничего не осталось — ни хлеба, ни соли. Старики выпили воду и удовлетворённо вздохнули:

— Одно счастье, что за воду платить не надо.

Потом завернулись в свои лохмотья и сели сторожить спящих: как бы те чего-нибудь не взяли. А друзья уснули так крепко, что даже не почувствовали, когда солнце заблестало за подслеповатым окошком хибарки. Проснувшись, все трое побежали к колодцу умываться, а вернувшись, не нашли ни коней, ни сбруи.

— Отвечай, куда сбрую девал? — прижали они Полынца к стене.

— В чулан спрятал. Уж больно жалко мне стало такую красивую сбрую! Зачем её понапрасну пользоваться, если можно и так обойтись? — оправдывался вороватый скряга, пойманный с поличным.

— А кони где?

— Тоже в чулане. Жалко мне этих бедняжек. Стоит ли их мучить, если можно пешком ходить? — оправдывалась Полынь.

Друзья заставили всё вернуть и пригрозили старикам:

— Чтобы это было в последний раз! Мы больше не будем церемониться с вами, скряги несусветные! Если б вы могли, то и солнце у людей украли бы!

— О, это моя заветная мечта! — обрадовался Полынец. — Я бы солнце под кадушку спрятал, чёрным платком замотал, а потом через щёлочку по одному лучику отпускал: кому сколько надо. У кого денег больше, тому и солнца побольше... А то ведь столько света, такая уйма тепла задаром пропадает! Изо дня в день во все стороны проливается.

— Ты просто сумасшедший! — разозлился Жёлудь. — До чего только не доводит жадность!

— И родник бежит без толку, — мечтательно продолжал Полынец. — Столько воды зря пропадает! А ещё, говорят, есть на свете реки, озёра, целые моря — страшно даже подумать! Вот бы всю эту воду в мой кувшин налить! Или хотя бы в мой колодец... Я бы тогда ничего не делал, только отпускал бы всем по капле, как в аптеке...

— Сколько капель, столько и денежек... Кто же на воду не раскошелится! — радовалась Полынь, не в силах усидеть на месте.

— Рассказывай, рассказывай, что же ты умолк? — подбодрил Горох старого скупца, а сам едва удерживался, чтобы не вцепиться Полынку в лохмы, которые тот уже десять лет не расчёсывал, опасаясь сломать гребень.

— Вот, скажем, встанешь ты, выйдешь на двор и надышаться не можешь. Столько воздуха, такая прорва — всё поднебесье к твоим услугам! И как подумаешь, сколько воздуха всякие ненужные создания понапрасну переводят, даже жить не хочется. Эх, если б весь этот воздух в свиной пузырь загнать! А потом по мерочке, по глоточку...

— Замолчи! — не выдержал Жёлудь. — Заткнись, старый негодяй! Это вы со своей старухой зря воздух переводите! Будь ваша воля, вы бы весь мир спрятали в свой чулан и держали под замком. А потом за деньги продавали бы: кому звезду с неба, кому земли горстку, а кому и вовсе ничего... Замолчи, скупердяй, а не то сейчас же раздавлю, как червяка!

— Идём, — успокаивала Жёлудя Фасолька. — Не трогай их, они и сами скоро ноги протянут. Видишь, от них лишь кожа да кости остались.

Друзья сели на коней, но только отъехали от хибарки По-
льней, как разразилась гроза. Блеснула молния и ударила в сто-
ящее неподалёку дерево.

— А этих жадин даже гром не поразит! — возмущался по-
бледневший от гнева Горошек. — Солнце — под кадушку!..
Видал, что придумали!

— При чём здесь гром, если мы сами позволяем таким гадам
ползать по свету?! — воскликнул Жёлудь и, подхлестнув коня,
поскакал прямо по лужам.

ЧЕМ ЛЕЧАТ ОТ ЗАВИСТИ

Чем дальше друзья удалялись от столицы
Кривдина государства, тем приятнее, обхо-
дительнее были встречавшиеся им люди и тем меньше прихо-
дилось друзьям опасаться посторонних глаз. Жёлудь всё чаще
садился за свой дневник, а Горох и Фасолька пели с утра до ве-
чера. Дружная троица весело доскакала до какого-то странного
полуразрушенного селения, у которого было почему-то два на-
звания: по правую руку от развалин висела доска с надписью
«Не пройди», а по левую — «Не минуй». На обеих досках висе-
ли объявления с изображением Жёлудя, Гороха, Фасольки и с
посулами Хоря щедро заплатить за голову каждого беглеца.

Проскакав ещё несколько десятков шагов, всадники увиде-
ли, что кто-то роет нору под большущим камнем. Из норы вы-
летала земля, которую выбрасывали землекопы.

— Эй вы, хотите землю насквозь прорыть? — крикнул Жё-
лудь.

Из норы высунулась плешивая голова Мышиного Горошка.
Он долго смотрел на пришельцев, вытаращив глаза, потом
крикнул что-то, обернувшись к норе, выскочил наружу и схва-
тил лошадей под уздцы.

— Пожалуйте в гости, — пригласил он путников.

С другой стороны камня подоспел весь в песке коротышка
Вика и, оттолкнув Мышиного Горошка, закричал:

— Навестите и меня, не пожалеете!

Пока они спорили, сбежались их жёны и дети.

— Мы вас на печи уложим! — кричал Мышиный Горошек.

— А мы — на перине! — не уступал Вика.

— Мы от вас мух отгонять будем! — хором кричали дети Мышиного Горошка.

— А мы вам — пятки чесать! — старались перекричать их малыши Вики.

С криками и воплями они рвали друг у друга из рук поводья, толкались, потом затеяли драку. Поднялся такой гам, что путникам пришлось заткнуть уши.

— Тихо! — закричал, не выдержав, Жёлудь. — Говорите по одному. Начинай ты, Мышиный Горошек.

— Дорогие гости, я корчмарь, прошу вас отдохнуть у меня. За умеренную плату вам будет оказано истинное гостеприимство.

— А ты, Вика?

— У меня ещё лучше, милости прошу ко мне. За совсем ничтожную плату вам будет предоставлен роскошный отдых.

— Как же тут быть? — почесал в затылке Жёлудь. — А где же ваши хоромы?

— Развалились, — в один голос ответили гостеприимные корчмари.

— Ну ладно, мы люди не гордые, — рассудил Жёлудь. — Если вы оба такие радушные, то мы день погостим у одного, а день — у другого.

— Нет, только у меня, — заупрямился Вика.

— Нет, у меня, — не уступал Мышиный Горошек.

Два часа пререкались соседи, пока дело снова не дошло до драки. Друзья растащили их, сели на коней и поскакали к видневшейся роще. Обе семейки, не отставая, бежали рядом. Кузнечики брыкались, стрекотали и не подпускали их к всадникам.

Первым не выдержал такой гонки Мышиный Горошек. Он свалился посреди поля, но и лёжа продолжал кричать:

— Только у меня! Вика хочет вас Хорю выдать!

— Я вас никому не выдам! — из последних сил крикнул Вика и тоже рухнул в дорожную пыль.

— Вот и весь наш заработок!— вцепились друг другу в волосы жёны завистников.

— Ни вам, ни нам!— устроили потасовку дети.

— Какие-то безумцы!— удивлялся Горошек. — Они даже камня на дороге не уступят друг другу.

— Да ну их!..— отмахнулась Фасолька.— Видно, и сегодня придётся ночевать под открытым небом.

Они подъехали к роще, стреножили коней, развели огонь и легли отдохнуть под стебельком Клевера. Жёлудь, положив руки под голову, хотел было уже заснуть, но чей-то голос предупредил его:

— Послушай, дружок, отодвинь-ка в сторону огонь, а то корни мне сожжёшь.

Жёлудь оглянулся: нет, это не Горошек сказал— его друг лежал, накрыв голову курткой.

— Отодвинь, пожалуйста, нельзя же думать только о себе!

Это говорил Клевер. Ему стало слишком жарко от разложенного Жёлудем огня. Фасолька извинилась перед Клевером и передвинула костёр подальше.

— Послушай, добрый человек, — обратился Жёлудь к Клеверу, — ты здешний и наверняка знаешь, что это за корчмари, которые подрались из-за нас, чтобы получить обещанную Хорём награду?

— Какие они корчмари— завистники!— ответил Клевер и грустно покачал головой.— Из-за них здесь никому жизни нет. Путники обходят эти места, птицы стороной облетают, сюда даже дикие звери не забредают; одна только дорога никуда не может свернуть от них: как проложили её здесь солдаты, так и будет петлять, бедняга, пока не зарастёт травой.

— Расскажи нам про завистников, ночь длинная, — попросил Клевера Горох и высунул голову из-под куртки.

— С давних пор по обе стороны этой дороги, которая ведёт в Перцовую землю, стояли две корчмы. Одна называлась «Не пройди», а другая — «Не минуй». В одной хозяйничал Мышинный Горошек, а в другой — Вика. Они вечно соперничали и завидовали друг другу.

Их деды завидовали, даже если у соседа вскочит шишка на

лбу, и, нарочно разбив себе голову, выпрашивали милостыню у дороги. Дети их выросли ещё большими завистниками, а внуки и вовсе помешались. Они до того завидуют друг другу, что уже ночами не спят.

Шёл однажды по дороге весёлый путник и задумал подшутить над завистниками. Заглянул к Мышиному Горошку и говорит:

— На сокровищах живёшь, а так бедствуешь. Деньги из твоей земли сами наружу прут!— и показал ему золотой.— Видно, здесь клад зарыт.

Не успел путник проститься, как Мышиный Горошек со всей семьёй бросился копать в огороде. Чем дальше, тем глубже.

Ходит Вика вокруг соседнего забора и никак не может понять, что это Мышиный Горошек в земле ищет. На обратном пути шутник и ему ту же самую байку рассказал за доброе угощение. Вика побледнел от зависти и тут же зарылся в землю, точно крот.

Оба по три раза как можно глубже перекопали свои огороды, каждый комок земли руками раскрошили. Только всё напрасно.

— Не нашёл, сосед? — спросил Вика у Мышиного Горошка.

— Я и не ищу ничего, просто огород копаю, — ответил сосед-завистник.

«Обманывает, иначе не стал бы рыться в земле, как крот»,— подумал Вика и, побагровев от зависти, ещё трижды перекопал огород.

— Много ли монет накопал, сосед?— спросил Мышиный Горошек у Вики.

— А я и не копаю вовсе, просто огород разравниваю, — соврал тот.

«Наверное, всё сокровище в его огороде зарыто»,— подумал сосед и позеленел от зависти.

Соседи по несколько раз друг у друга огороды по ночам перекопали. Но и после этого остались ни с чем.

— А может быть, Вика сокровище под домом спрятал? —

спросил однажды у жены Мышиный Горошек. — Почему он там землю не роет?

— Ведь все прячут богатства под домом! — словно сообщая величайшую тайну, шепнул Вика жене.

И начали оба по ночам друг у друга фундамент подкапывать. Рыли, копали, пока обе корчмы не рухнули. А соседи как бросятся в драку: дескать, отдавай сокровища, которые из-под моего дома вырыл! Конечно же, ничего не добились и дракой. Тогда стали друг на друга доносы строчить. Наврали, наболтали, что один столько-то и столько-то золотых нашёл, а другой ещё больше, что у одного денег куры не клюют, а другой тротуары золотом мостит...

Великой Мы, как всегда, требовались деньги. Она прислала отряд солдат с приказом во что бы то ни стало отыскать эти сокровища. Все развалины по пять раз с места на место перетаскивали, но так ничего и не нашли. Тогда начальник велел хорошенько выпороть обоих завистников, чтобы впредь не врали. Однако они друг другу до того завидовали, что, когда секли Мышиного Горошка, он не выдержал и крикнул:

— Почему Вике пятьдесят всыпали, а мне только сорок? Чем он лучше?

Солдаты добавили ему ещё десяток.

— А почему обоим поровну? — выходил из себя Вика. — Ведь он гораздо меньше ростом! Нечего ему со мной равняться.

Солдаты добавили и этому десяток горячих. А соседи, оба еле живы, всё просят ещё добавить, только бы побольше другого получить. Возможно, солдаты засекли бы их насмерть, однако бедняги так ослабли, что уже и просить не могли.

Но как только немного оправились, снова принялись за своё: всю землю вокруг перекопать хотят. Вот только под тем огромным камнем ещё не копали. Потому теперь и роют норы, спешат — каждый хочет первым сокровище заполучить.

— Я таких завистников отродясь не видал! — удивился Горох. — Ну бывает, что кто-то кому-то завидует, но чтобы так...

— Завидовать вообще не следует, — сказала Фасолька.

— Правильно, нечего завидовать завистникам, — усмехнулся Клевер.

Рано утром друзья простились с любезным рассказчиком, поблагодарили за ночлег и двинулись в путь. Однако когда они снова проезжали мимо развалин, их почему-то никто не встретил, не стал приглашать в гости. Непривычно тихо было и возле камня.

— Может быть, они действительно что-нибудь нашли? — засомневался Горох. — Ведь это был последний клочок непоперекопанной земли!

— И тебе сокровища захотелось? — засмеялась Фасолька.

Жёлудь немного поколебался и сказал:

— Взгляни, чтобы не жалеть потом.

Огромный камень изрядно осел. Из-под него торчали какие-то лопаты.

— Неужели их придавило? Всех? — Вихор Горошка встал дыбом. — Подумать только, какой ужасный камень: ни поднять, ни сдвинуть!

— Не камень, а зависть их придавила, — сказал Жёлудь и погнал кузнечика дальше.

Всю дорогу Жёлудь поддразнивал товарища: как это он, прошедший огонь и воду, попался на сказочку о сокровищах.

— Перестань, — просил Горох.

— Угадай, чем лечат от зависти, тогда перестану, — не унимался приятель.

Горошек морщил лоб, думал и всё никак не мог угадать, подскакивая на спине коня, как заправский кавалерист. Ему казалось, что от зависти хороши все средства, однако Жёлудь требовал назвать самое главное.

— Сдаюсь, — не выдержал Горох.

— От зависти прекрасно излечивает настоящая дружба, — угадала за него Фасолька.

— Это самое лучшее лекарство! — согласился Жёлудь и перестал дразнить товарища.

С величайшей осторожностью ехали друзья через Перцовую землю и владения Каштана-разбойника. Днём отдыхали, а ночью гнали кузнечиков вдвое быстрее. Звёзды указывали им путь. Но как-то ночью небо затянуло тучами, и звёзд не стало.

— Дальше ехать нельзя, — решил Жёлудь. — Лучше дождёмся утра.

Сели, разложили костёр и стали греться.

— Хоть бы одним глазком посмотреть на эту страшную Перцовую землю! — сказал Жёлудь. — И чем она так страшна?

— Не знаю. И у нас в деревне, чуть что, сразу говорят: зададим перцу, — вслух размышлял Горох.

— Ничего хорошего там нет, — объяснила им Фасолька. — Все скрючились, прогоркли от злобы, сморщились, словно перцу наелись. Страшное дело: три часа бранятся, прежде чем скажут приличное слово!

— Откуда ты знаешь? — не поверил Жёлудь.

— Через их землю нас гнали в столицу Кривдина государства, — ответила Фасолька. — И я не понимаю, что за интерес смотреть, как эти перцы злятся, ссорятся и ябедничают друг на друга?

— Всё равно мне нужно знать. — Жёлудь вытащил тетрадку. — Рассказывай.

— Однажды стража остановила нас возле сложенного из веток шалаша. В нём жила семья Горького Перца: он сам, жена Горюха и сын Горчиш. Только мы остановились, как вышел старик и выругался:

«Чёрт возьми!»

За ним вылезла из шалаша старуха и тоже шамкает беззубым ртом:

«Чёрт побери!»

А их сынок, от горшка два вершка, и тот, наглядевшись на родителей, бормочет:

«Чёрт подери!»

От этих слов запахло чем-то неприятным, гадким. А часовые всё время подзуживали ругателей и хохотали. Однако я не

могла смеяться: мне было жаль их.

Услыхав смех стражи, старуха как глянет— сразу скисло молоко в моей чашке. Старик как зыркнет— сразу красная свёкла белой стала. А маленький Горчиш тоже не отстаёт: как посмотрит из-под насупленных бровей — сразу у одного часового пальцы инеем покрылись, до того холодно стало.

— Кто это учил вас так смотреть?— спрашиваю я.

— Разве это взгляд? Мой дед как посмотрит, бывало, как глянет, тысяча дьяволов, так у всех вокруг сразу носы напрочь отмерзали, — стал бахвалиться малыш Горчиш.— А уж если разинет рот, чтоб ему пусто было, так за версту воняло.

— Когда собирается много перцев,— продолжала Фасолька, — становится нечем дышать, как будто в воздухе огонь. Поэтому они вечно живут врозь, и чужеземцы так легко покорили их. Теперь там правит какой-то заморский злодей по прозванию Тютюн.

— Когда я разозлюсь и выругаюсь «чёрт возьми», у меня вовсе не пахнет изо рта, — сказал Горошек, но на всякий случай понюхал воздух.

— Ну и как? — спросил его Жёлудь.

— Попахивает, — признался Бегунок.

— Вот и молчи, не мешай рассказывать! — осадил приятеля Жёлудь и снова заскрипел пером.

— А уж какие они ябедники, какие клязуники! — продолжала Фасолька. — Нигде таких не найдёшь. Одних доносов тысячу пудов тащили они за нами в столицу Кривдина государства. А от сплетен у наших стражников пухли головы и шлемы лопались. Словом, ничёмные создания. К ним даже стражу не требовалось приставлять — они сами друг друга сторожили. Если кто-нибудь захочет бежать из неволи, другие за ноги держат, пока стража не подойдёт.

— Мне кажется, что не стоит и знакомиться с такими злюками,— сдался Жёлудь.— Пойдем-ка, Горошек, поищем дров, до утра ещё далеко.

Когда они вернулись с двумя охапками дров, то не нашли у костра ни Фасольку, ни коней, ни записей Жёлудя.

— Нас ограбили! — испугался Горошек.

— Вижу! — рассердился Жёлудь.

— И Фасольку похитили, — застонал приятель.

— На небо не улетела, пойдём по следу и найдём — нечего плакать! — одёрнул Жёлудь Бегунка.

Как только рассвело, друзья пустились в погоню. Следы свернули в густой лес и привели к огромной пещере у подножия горы. В пещере пылал костёр и кто-то громко хохотал. Подкравшись поближе, следопыты увидели странное существо в колючем, как ежовая шкура, плаще, накинутом на плечи, и в нахлобученной на бритую макушку такой же колючей шапке. Заткнув за пояс пару пистолетов, оно что-то говорило Фасольке и, держась за живот, хохотало во всю глотку. От этого смеха даже камни с грохотом катились под гору.

— Ты говоришь, что эти хлюпики освободят тебя? Го-го-го! Да я их обоих одним пальцем левой руки с горы скину. Хочешь, я тебе расскажу, что делают сейчас эти два молоко-соса? Один бежит маме жаловаться, да так, что пятки сверкают, а другой догоняет его, ого-го-го!

— Если ты и впрямь такой силач, так зачем же связал бедную путницу?

— Я бы развязал тебя, только дай честное слово, что не будешь цапаться.

Фасолька ничего не ответила.

— Я рассчитывал на большую добычу, а что мне эти жалкие клячи и тетрадки на растопку?! Путешественники! И кастрюли-то хорошей не завели, чтобы кашу варить.

— Мы бежим из неволи, — ответила Фасолька.

— Таким нищим не стоило и бежать оттуда.

— Лучше уж быть нищим, чем вором. Тетрадки у путников украл.

— Ну-ну, я вижу, тебе жить надоело!

— Жаль, что у нас нет ружей, — прошептал Горох. — Ведь это Каштан-разбойник!

Вдруг разбойник замолчал на полуслове, прислушался, схватился за пистолеты и загремел, сотрясая горы:

— Эй, кто мешает мне отдыхать! Ну-ка вылазьте, а не то сейчас свинцом затылки запаяю!

Жёлудь не испугался угрозы. С ним были два верных друга, а Каштан — один.

— Отпусти нашу подругу и верни мои записи, — сказал он смело.

— О несчастный писака! Вот хорошо, что ты сам ко мне приплёлся. Я уж было собрался искать тебя. Садись на камень да пиши своим родственникам письмо: пусть они за тебя шлют выкуп! — И он приставил оба пистолета к груди Жёлудя.

Однако Жёлудю было не до письма. Обернувшись, он увидел, что Горошка нет, и подумал, что тот не решился подойти к разбойнику и спрятался где-то за камнями.

— А где же твой дружок, этот кругляш вихрастый? — словно угадал его мысли Каштан.

— Убежал, — коротко ответил Жёлудь.

— О-го-го! А что я говорил? Ну, довольно: садись и пиши! А твою подружку пусть возьмёт лучинку и осветит.

— Не буду писать!

— Тогда я тебя скину в пропасть.

— Делай что хочешь, а писать я всё равно не буду.

— Напишешь как миленький.— Каштан схватил его и поставил на край пропасти, а сам, прищулив один глаз, навёл пистолет.— Ну?

— Ты герой, когда перед тобою безоружный. Посмотрел бы я, что бы ты запел, будь у меня в руках хотя бы дубина. Трус! Негодяй! Жадюга!

— Все вы со страху так орёте, ого-го-го! — захохотал Каштан, — Последний раз спрашиваю: будешь писать?

— Горох!— крикнул Жёлудь не своим голосом и кинулся на Каштана, но... было поздно.

Спрятавшись за скалой, Горошек следил за каждым движением разбойника. А когда Каштан хотел нажать курок пистолета, он прыгнул прямо ему на шею и увлёк за собой в пропасть. Падая, он крикнул:

— За вас, друзья!

«...а...а!...» повторили горы и скалы, а затем стало тихо-тихо, как в воскресное утро.

Жёлудь развязал Фасольке руки и сел рядом, но долго ещё не мог выговорить ни слова. Всё произошло так быстро и неожиданно, что друзья не могли опомниться. Они молча спустились в ущелье, пробитое горной речкой, разыскали останки Гороха и похоронили, сложив из камней высокое надгробье. Немного подумав, Жёлудь нетвёрдой рукой вывел надпись:

Прошедший тысячи дорог,
Ты шапку скинь свою.
Здесь кончил путь
Герой Горох:
Он в честном пал бою!

Им так не хотелось уходить с этого места, ноги будто приросли к земле...

Пока они стояли в скорбном молчании, над скалами показался Ворон, который прилетел их искать. Сделав несколько кругов, он спустился, почистил клюв о камень и хотел было отругать Жёлудя, но передумал. Чем могли помочь теперь даже самые умные речи?

И сын Дуба вернулся домой.

Вечером, когда Лягушка стала снова звать свою Куотре, когда Голубь, присев, начал хвалить посев, а Скворец затянул песню в честь гостя, Жёлудю стало необычайно грустно: надо сделать что-то очень благородное, хорошее. Для всех, для всех! Чтобы жить на опушке леса было славно и весело.

ОГЛАВЛЕНИЕ

На краю леса.	3
Учёба Жёлудя.	8
Красноногая птица.	15
Ешь-не-хочу.	21
«А я всего лишь простой Горошек»	25
Похищение Жёлудя.	31
Ни пощупать, ни понюхать.	33
Твёрдый Орешек.	39
В гуще боя.	44
Плен.	49
Восстание.	57
По следам Фасольки.	64
Город плакс.	71
Воздержанная Картофелина.	75
Редис-оборотень.	81
Город задранных носов.	87
Суд.	91
Освобождение Фасольки.	96
Станный попутчик.	102
Измена.	107
Мечты скряги.	112
Чем лечат от зависти.	116
Подвиг Горошка.	122

Рисунки С. Шаринова

Для младшего школьного возраста

Витаутас Петкявичус • ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЖЁЛУДЯ

Сказочная повесть

Ответственный редактор А. М. Соломонов. Художественный редактор Н. Г. Холодовская. Технический редактор С. Г. Маркович. Корректоры Л.М. Короткина и Г. В. Русакова. Сдано в набор 7/IV 1966 г. Подписано к печати 27/XII 1966 г. Формат 70х92¹/16. Печ. л. 8,5. Усл. печ. л. 9,95 (Уч.-изд. л. 7,17+4 вкл.=7,73). Тираж 100 000 экз. ТП 1966 № 405. Цена 45 коп. на бум. № 2. Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1.

Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглаволиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Калинин, Мигаловское шоссе, 8. Зак. 129.

Цена 45 коп.

